

Игорь Симбирцев
Спецслужбы первых лет СССР. 1923–
1939: На пути к большому террору

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=350722

Симбирцев Игорь «Спецслужбы первых лет СССР. 1923 – 1939. На пути к большому террору»:

Центрполиграф; Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3838-5

Аннотация

В своей книге Игорь Симбирцев прослеживает историю советских спецслужб периода, который уложился между двумя войнами: Гражданской и Великой Отечественной. Автор открывает малоизвестные детали нашедших операций этого времени, обнажая механизм «создания» новых антисоветских организаций: «Синдикат-2», «Трест» и т. д. Описывает репрессии ГПУ против православной церкви и вереницу странных, овеянных слухами смертей – Ленина, Фрунзе, Котовского, Аллилуевой, Крупской и многих других известных людей. Тридцатые годы в истории ГПУ, а затем и НКВД СССР поделили страну на еще относительно «мирные» 1930–1936 годы и наступившее вслед за ними время больших репрессий 1937–1939 годов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Большие репетиции	16
ГПУ против церкви	31
Репетиция «странных смертей»	34
Глава 3	40
Силовые акции за границей	41
Поход советской разведки на восток	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Симбирцев

Спецслужбы первых лет СССР

1923 – 1939

На пути к большому террору

Глава 1

Становление СССР и система его спецслужб

В 1923 году в мире появилось новое и невиданное ранее государство под названием СССР – Союз Советских Социалистических Республик, хотя официально о его создании было объявлено уже под Новый год – 30 декабря 1922 года. Он пришел на смену существовавшей в революционное лихолетье Советской России как новый проект Ленина, как временное государство мирного периода, раз уж мировая революция немедленно не случилась, а экспортировать социализм в Европу тоже не удалось.

Мирный период виделся как временный, как некая уступка сложившимся условиям, как отход от многих прежних ленинских принципов, включая военный коммунизм, насильственную продразверстку и ту же мировую революцию. Это уже затем при полном переходе власти в руки Сталина большевики были вынуждены признать, что им придется пока строить социализм только внутри захваченной их властью России во враждебном окружении. А тех, кто вслед за Троцким не принял этой реальности из уст Сталина и по-прежнему настаивал на продолжении перманентной революции, начали преследовать как крамольников.

Весь период довоенной жизни советских органов разведки и госбезопасности в СССР можно назвать скорее межвоенным, поскольку в 1923–1940 годах он уложился ровно между двумя великими катаклизмами: Первой мировой, перешедшей у нас в России в кровавую Гражданскую войну, и Второй мировой, в самом Советском Союзе получившей название Великой Отечественной.

Весь этот межвоенный период от создания ГПУ до объединения его с НКВД связан с поколением первой чекистской гвардии старых ленинцев и дзержинцев. Кроме продолжения дзержинского поколения первых чекистов в ГПУ – НКВД, кроме того, что это межвоенное время можно назвать эпохой раннего правления Сталина в СССР, этот период в жизни советских спецслужб с 1923 по 1940 год четко отсечен от других и тем, что главным их врагом на тот момент были белые эмигранты и традиционные антисоветские партии, сложившиеся еще в годы революции и продолжавшие бороться с СССР в эмиграции. Это определяющий фактор в направлении работы ГПУ и НКВД в 20 – 30-х годах – главный враг в лице разномастной собственной эмиграции и антисоветского подполья внутри СССР, борьбе с которым посвящали едва ли не больше времени, чем противостоянию спецслужбам иностранных государств. В свое время такой подход к вопросу госбезопасности и разведки был присущ первым спецслужбам Российской империи при Романовых, особенно на стыке XIX и XX веков в наибольший пик революционного подъема. После 1940 года ситуация для советских спецслужб изменится, и никогда больше антиэмигрантская борьба не будет превалировать над чистым противостоянием в мире шпионажа с иностранными спецслужбами.

Еще один объединяющий штрих – это «коминтерновская» эпоха развития СССР, как раз к 1940 году начавшая сходить на нет. Формально «жизнь» уникальной структуры с названием «Коммунистический интернационал» датируется от рождения до смерти 1919–1943 годами. Но до создания в 1923 году СССР сам Коминтерн еще переживал период колыбель-

ного детства и не успел встать на ноги, а после 1940 года тянул свою жизнь практически «на инъекциях» и по привычке, затухая, как в агонии, до своей окончательной ликвидации в разгар Второй мировой войны. 20-е и 30-е годы стали периодом наибольшей активности Коминтерна и его штаба в советской Москве, когда он сыграл большую роль в жизни советских спецслужб этого периода и сам временами почти претендовал на статус отдельной разведывательной спецслужбы.

Жизнь и работа этих спецслужб раннего СССР в 1923–1940 годах (ГПУ, НКВД, Разведупра при Генштабе Красной армии) четко уместилась между двумя большими и кровавыми страницами нашей истории. Она стартовала на излете «красного террора» и Гражданской войны созданием ГПУ в 1922 году и закончилась сталинским Большим террором конца 30-х годов. Большинство деятелей этого чекистского поколения начало свою карьеру именно с отстрела в «красный террор» тех, кого они считали врагами революции и помехой сначала в организации мировой революции вселенского масштаба, а затем в построении нового общества в отдельно взятой Советской России. И большинство этих же людей в Большой террор было отстреляно своими же вчерашними соратниками и теми, кто пришел на их место. Так через двадцать лет для них замкнулся этот кровавый круг от одной бойни до другой, причем вторая для многих стала горьким похмельем и расплатой судьбы за активную пляску на пиру первой.

Само ГПУ (Государственное политическое управление) создано в феврале 1922 года вместо ВЧК, когда ленинским Политбюро утверждено «Положение о ГПУ». Тогда же разработана его структура и утвержден руководящий состав. Во главе ГПУ оставался поначалу первый руководитель советской ВЧК Феликс Дзержинский, хотя он уже совмещал работу во главе госбезопасности с массой других государственных постов, все больше сил и внимания уделяя порученному ему делу руководства советским народным хозяйством на посту председателя ВСНХ. На Лубянке же все больше рычаги власти оказывались в руках его первых заместителей в ГПУ Менжинского и Ягоды. Летом 1926 года он ушел из жизни, окончательно расчистив путь к утверждению во главе ГПУ своего наследника Вячеслава Менжинского, но с ним судьба и здоровье через несколько лет сыграли такую же злую шутку. До 1930 года Менжинский с перерывами на лечение еще отчасти руководил ГПУ, но в последние годы своей жизни, до кончины в 1934 году, уже только номинально числился главой этой структуры, а всем практически руководил его первый заместитель Генрих Ягода, многими уже и во власти воспринимаемый как полноценный начальник на Лубянке.

ГПУ в 1922 году создавали как орган при Наркомате внутренних дел – НКВД, но уже с созданием Советского Союза опять вывели из подчинения ведомства внутренних дел по примеру прежней ВЧК, снова подчинив напрямую главе государства. С созданием СССР в названии к ГПУ появилось дополнение «Объединенное», в официальных документах конца 20-х годов его часто именуют ОГПУ СССР. Но в целом эту спецслужбу до ее реорганизации продолжали именовать просто ГПУ, а ее сотрудников – по старой памяти «чекистами», поскольку неказистое слово «гэпэушник» в русском языке так и не прижилось.

В первые годы существования ГПУ оно прошло ряд преобразований. Поначалу по сравнению с прежней всесильной ВЧК у него отобрали часть функций и полномочий, по крайней мере на бумаге превратив в подобие обычной спецслужбы большого государства, хотя в реальности особый характер Советского Союза накладывал печать непохожести на коллег из других государств и на его службу госбезопасности. Вот спокойно и без особых реформ просуществовав почти до начала Второй мировой войны под началом одного руководителя Яна Берзина, Разведупр действительно все больше напоминал типичную военную разведку иных государств.

Структура ГПУ, как и кадровый состав, отчасти была заимствована у прошлой ВЧК времен Гражданской войны. Во главе, наряду с председателем этой спецслужбы, стояла кол-

легия ГПУ, куда входили заместители начальника и руководители самых важных отделов. На местах работали областные отделы ГПУ и республиканские ГПУ в союзных республиках СССР, районных (уездных) отделов ГПУ, как это было в годы Гражданской войны в ЧК, с 1923 года в Советском Союзе уже не было. Отчасти и из-за урезания функций ГПУ, в котором было решено оставить только вопросы внешней разведки, контрразведки, госбезопасности и охраны государственных мужей, тогда как присущие ранее ЧК вопросы работы по части уголовных преступлений или по спекуляции были полностью переданы в Наркомат внутренних дел. Одним из первых приказов начальника ГПУ Дзержинского по новой спецслужбе от 10 марта 1922 года было указание сосредоточить все силы на вопросах государственной безопасности, на работе по ликвидации антибольшевистских партий, по антисоветской эмиграции, на усилении безопасности на транспорте и контроле за находящимися на территории СССР иностранными гражданами.

В отличие от ВЧК ГПУ уже ближе к облику стандартной спецслужбы. В нем уже своя чекистская форма, знаки различия и четкая иерархия в его рядах, а в снабжении и финансировании сотрудники ГПУ с 1922 года приравнены к командному составу Красной армии. С 1923 года в только что созданном СССР председатель ГПУ в обязательном порядке входил в состав советского правительства – Совнаркома на правах отдельного наркома (министра) с теми же министерскими правами. На самом деле прав и полномочий у главы ГПУ было побольше, чем у иного наркома. Во всяком случае, Дзержинского, Менжинского и Ягоду в стране знают люди даже не самые подкованные в нашей истории, а вот кто в это время возглавлял Наркомат внутренних дел или Наркомат связи – ответить смогут уже явно не все из них.

Главными отделами в ГПУ стали три составляющие с 1922 года. Это Секретно-политическое управление под началом Менжинского (с уходом его на пост председателя ГПУ эту должность занял Агранов), Экономическое управление во главе с Канцнельсоном (позднее его сменил Прокофьев) и управление войск ГПУ под началом Воронцова. Отдельное и изолированное положение в ГПУ занимал Иностранный отдел (ИНО ГПУ) для внешней разведки, которым руководил до конца 20-х годов Трилиссер, а затем Артузов. До перехода на должность главы внешней разведки в ГПУ Артур Артузов руководил другим важнейшим отделом контрразведки – КРО ГПУ. Спецотдел по контролю за чистотой рядов в партии большевиков и по работе с оперативной техникой тоже занимал особое положение внутри ГПУ, им все 20 – 30-е годы, вплоть до своего ареста в 1937 году, руководил Глеб Бокий. Отделом охраны важнейших руководителей страны поначалу руководил создавший отдел охраны Ленина еще в ВЧК чекист Беленький, но в ГПУ его позднее сменил Шанин, а в начале 30-х годов – Паукер, одновременно бывший начальником Оперативного отдела. Юридическим отделом ГПУ руководил Фельдман, одновременно возглавлявший курсы подготовки кадров при ГПУ. Наконец, важным Особым отделом по военной контрразведке в рядах Красной армии руководил сам Генрих Ягода, а после его перехода в первые заместители председателя ГПУ в 1924 году на его место назначен Ольский. Транспортным отделом командовал поставленный на этот пост еще Дзержинским в ВЧК Благоврахов. Почти все эти руководители ГПУ 20-х годов и члены коллегии ГПУ занимали высокие посты и в ВЧК времен 1918–1922 годов, и почти все они перебиты после 1936 года в Большой террор.

Чуть позднее, в 1929 году, в ГПУ прошла небольшая реорганизация, когда Ягода в роли первого заместителя председателя ГПУ окончательно укрепился в ранге неформального главы этой спецслужбы при уже больном Менжинском, а вторым заместителем назначен переведенный из руководителей Ленинградского ГПУ Станислав Мессинг. Другой заместитель Менжинского и одновременно начальник разведки ИНО ГПУ Трилиссер в это время из-за конфликта с Ягодой и вообще из-за своих непримиримых троцкистских высказываний покинул все чекистские посты и ушел на другую работу, именно вместо него переведен

из Ленинграда Мессинг. Тогда же в ГПУ впервые создано отдельное управление исправительно-трудовых лагерей во главе с Эйхмансом, из которого позднее разрастется по стране страшными метастазами ГУЛАГ.

А в 1931 году после большого скандала в верхушке ГПУ вокруг дела царских офицеров в РККА (дело «Весна») и изгнания из рядов ГПУ ряда руководителей из видных дзержинцев эту спецслужбу вновь потрянули перемены. Мессинг в числе главных бунтарей был убран из заместителей председателя, а в компании с Ягодой замами на Лубянке оказались Акулов и Балицкий. Но окончательно утвердившийся в качестве негласного шефа Лубянки Генрих Ягода вскоре «подвинул» обоих назначенцев власти, вытеснив Акулова из ГПУ вообще в прокуратуру, а Балицкого – на его прежнее место главы Украинского ГПУ. Взамен в заместителях оказались близкие к Ягоде чекисты Прокофьев и Агранов. После 1933 года «команда Ягоды» занимала в ГПУ все ключевые посты: Буланов – секретариат коллегии ГПУ, Гай – Особый отдел, Артузов – ИНО ГПУ, Молчанов – Секретно-политический отдел, Миронов – Экономический отдел, Бокий – Спецотдел, Кишкин – Транспортный отдел, Благонравов – Отдел шоссейных дорог, Берман – управление лагерей, Фриновский – войска ГПУ и пограничные войска, Паукер – Оперативный отдел и правительственную охрану. В таком составе ГПУ встретило переломный для него 1934 год, когда сначала умер Менжинский, а летом того же года ГПУ слито с ведомством внутренних дел в одну большую спецслужбу – Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР.

Внутри единого НКВД в 1934–1940 годах непосредственно госбезопасностью и разведкой занималось его Главное управление госбезопасности (ГУГБ НКВД), куда в большей степени уместили за некоторыми исключениями бывшее ГПУ и чей начальник с 1934 года был первым заместителем наркома НКВД. Другие управления НКВД (Рабоче-крестьянской милиции, Пожарное, командования войсками НКВД, ГУЛАГ – управление лагерей и т. д.) занимались в этой спецслужбе своими прежними обязанностями, их сотрудников часто даже не именовали «чекистами», хотя формально все они теперь тоже работали в одной большой спецслужбе с чистыми чекистами из ГУГБ. Из прежнего ГПУ в новом едином НКВД в отдельное управление кроме ГУЛАГа выделили еще и Управление погранвойск и внутренней охраны (ГУПВО). Вся разведка, контрразведка, госбезопасность, Оперативный отдел и охрана первых лиц государства оставались отделами в ГУГБ НКВД. Важность этой части в НКВД была таковой, что нарком Ягода поначалу проигнорировал даже указание ЦК поставить во главе ГУГБ своего заместителя Агранова, сохраняя руководство ГУГБ за собой, пока его не одернули с верхов власти. Сам Ягода всего два года просидел на возделенном посту наркома этого большого НКВД и походил в пошитом лично для него маршальском мундире генерального комиссара госбезопасности, в 1936 году он убран из НКВД, а в следующем году арестован и вместе со многими людьми из своей команды расстрелян. На его место наркома НКВД на Лубянку пришел Николай Ежов, а во главе ГУГБ оказался Фриновский, после короткого и страшного периода ежовщины отстреляли и их команду.

Глава 2

Первые годы жизни ГПУ

Революция – это кто кому первый голову проломит.
Н.И. Бухарин

Двадцатые годы после окончания Гражданской войны и создания Советского Союза являются особым периодом жизни советских спецслужб. Это, в первую очередь, организационная перестройка спецслужбы из ЧК времен Гражданской и военного коммунизма в полноценный аппарат госбезопасности мощного государства. Это же отчасти касалось и смены приоритетов в работе, на смену массовым расстрелам и действиям в тылах белых армий шла долгая работа по прочесыванию политического поля в молодом СССР, по добиванию антибольшевистской оппозиции, за рубежом же – профессиональная работа разведки против антисоветской эмиграции и иностранных государств. Кроме того, весь этот период сейчас, с высоты прожитых страной лет, кажется для ГПУ во многом экспериментальным и подготовительным, когда чекисты понемногу и дозированными порциями пробовали все то, что в 30-х годах разовьется в большое дерево тотальных репрессий и закончится эпохой Большого террора.

При этом необходимость качественной перестройки работы и освоения новых методов понимали и сами ветераны чекистского фронта. В первую очередь речь шла о переходе на условия работы в мирное время, понимаемом Дзержинским со товарищи как столь же безжалостное подавление любого сопротивления советской власти, но при более четкой и отчасти более бюрократичной системе тотального контроля над обществом. В записке Дзержинского в Совнаркоме от 18 февраля 1922 года, как раз в дни создания ГПУ, говорилось: «В предположении, что вековая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, я стремился провести систематизацию карательного аппарата».

После 1922 года систематизировать этот аппарат, который чекисты первого призыва, как видим, совсем не стеснялись прямо именовать карательным, нужно было еще больше, поскольку сметать кровавыми бессистемными эпизодами вместе с врагами друзей без конца было невозможно, понемногу очередную волну «бессистемных эпизодов» и массовое «сметание друзей» отложили на конец 30-х годов.

Начиная с 1922 года внутри ГПУ идет постоянная подгонка новых методов и шлифовка новой системы работы, пригодной для спецслужбы новой социалистической державы. С этого года раз за разом руководство ГПУ рассылало на места в свои отделения директивы, призывающие все больший упор делать на оперативную деятельность и секретное осведомление, в 20-х годах понемногу ГПУ начинало опутывать страну паутиной тайной агентуры, так пригодившейся затем этой службе в годы сталинского террора.

И никак не могли в этой перестройке системы советской госбезопасности обойти вопрос укрепления своих рядов и усиления дисциплины среди чекистов, местами сильно разболтанной в годы хаоса, тотального террора и всевластия чекистов на местах в условиях войны. Тогда, как мы знаем, если за злоупотребления полномочиями для личной выгоды сотрудника ЧК еще могли примерно наказать, вплоть до расстрела, то наказаний за излишнюю жестокость при «красном терроре» практически не было, на эти злоупотребления смот-

рели лишь как на издержки яростного борца с контрреволюцией. Зато яростно карали тех, кто чекистский мандат решался использовать для откровенного криминала.

Известно, что первым расстрелянным ЧК в упрощенном порядке без судебной процедуры был налетчик Эболи, осмелившийся при своих бандитских налетах использовать поддельный мандат чекиста – такой дискредитации своей молодой спецслужбы люди Дзержинского простить не смогли. Вместе с Эболи 26 января 1918 года жертвами первого расстрела ЧК в особом порядке стали несколько членов его банды, включая любовницу и соратницу главаря по фамилии Бритт.

И в дальнейшем смычка чекиста любого уровня с чистым криминалом и жажда наживы взамен деятельного участия в революционном терроре считались в ЧК серьезным преступлением и карались очень жестоко. Это можно сказать и о знаменитом питерском налетчике Ленке Пантелееве. Рассказывая о ликвидации его после долгого розыска чекистами, в советской литературе и кинематографе «забывали» упоминать, что поначалу лихой налетчик Пантелеев (настоящая фамилия его Пантелкин) был сотрудником ЧК. Молодого красноармейца Леню Пантелкина после боев за красный Питер с Юденичем взяли на службу сначала в Псковскую, а затем и в Петроградскую ЧК, откуда в 1921 году изгнали за связь с криминалом и за то же самое крышевание торговцев краденым. И здесь началась драматичная история налетчика Ленки Пантелеева по кличке Фартовый, со своей бандой наводившего ужас на Петроград начала 20-х годов, грабя и убивая вошедших тогда во вкус красивой жизни нэпманов.

Банда Пантелеева так разгулялась тогда в бывшей столице и приобрела такую известность даже за ее пределами, что ГПУ с 1922 года вынуждено было создать особую оперативную группу по поиску бывшего коллеги по ВЧК. Эта чекистская группа, правда, не только совместно с сотрудниками уголовного розыска искала неуловимого Ленку, но и взялась контролировать работавшую с ней параллельно бригаду Петроградского УГРО. Так допросами в штабе питерского ГПУ на Гороховой терроризировали начальника милицейской бригады по розыску Пантелеева Павла Барзая, который пришел в угрозыск из царской сыскной полиции и уже за одно это подозревался чекистами в покровительстве «контре», хотя в том же году Барзай во время одной из попыток задержать неуловимого Ленку и его поделщиков в центре Петрограда был застрелен бандитами.

Только в 1923 году после серии дерзких налетов и побегов прямо из-под носа искавшей его чекистско-милицейской бригады Ленка Пантелеев попал в засаду этой спецгруппы ГПУ на квартире у одной из своих любовниц. В перестрелке пуля молодого чекиста Брусько прямо в сердце сразила знаменитого налетчика. Чтобы пресечь слухи об очередном воскрешении Фартового, чекисты пошли на оригинальный шаг: отрезанную голову Пантелеева выставили в заспиртованной банке в витрине одного из магазинов на Невском проспекте, так жандармы из царских спецслужб иногда поступали для опознания убитых эсеровских террористов прохожими.

Вся эта история, в которой ГПУ тщательно старалось утаить прошлую принадлежность бандита Пантелеева к своему ведомству, и породила в истории оригинальную версию: что изначально Пантелеев был внедрен ЧК в качестве своего секретного агента в воровской мир Питера, а только потом в операции произошел сбой и чекист стал в качестве дерзкого налетчика играть сам за себя. Уж очень подозрительным выглядел дерзкий побег Ленки в 1922 году после первого ареста прямо из питерского изолятора Кресты, откуда до него никто не сумел бежать, как нестандартна и вообще ситуация с созданием ГПУ спецбригады по розыску именно уголовного бандита.

И в исторической литературе о ЧК времен Гражданской войны, и в мемуарах самих чекистов первого призыва есть много примеров, когда проявившего излишнюю жестокость (что было не просто в общем вале жестокости той ВЧК, нужно было быть ультрафанати-

ком, безумцем или откровенным садистом) нельзя было дольше держать в рядах ЧК, и этого деятеля либо переводили на другую советскую работу, либо отправляли проявлять свой фанатизм в ряды воюющей Красной армии. В одной из советских книг о шефе советского ГПУ Вячеславе Менжинском (*Барышев М.И. Особые полномочия. М., 1976*) мне встретился пример такого «наказания» обезумевшего деятеля в кожанке, выявлявшего врагов советской власти методом собственного изобретения – «через кухню». Он при обыске сразу врывался на кухню к подозреваемому, и если в кастрюле варилось мясо, то объявлял обреченного «контрой» со всеми печальными для того последствиями, поскольку «наши-то люди на осмушке хлеба сидят». Интеллигентный Менжинский «кухонного теоретика» не одобрил, места в ЧК для него не видел, пожурил за излишнее рвение и отправил из чекистов в Красную армию командовать конным эскадроном. После чего рассказал о своем мудром решении Дзержинскому, и тот своего ближайшего помощника одобрил – мол, ЧК этот чудак мог дискредитировать, а в коннице ему самое место рубить врагов социализма. О том, что подчиненный им маньяк уже явно наворотил за собой много трупов невинных обывателей, вожди ВЧК – ГПУ не говорили.

За перебор в репрессиях в той ЧК сурово не наказывали, даже для изгнания из этой службы нужно было «отличиться» чем-то особо диким. Даже если питерский чекист Яков Меклер получил от своих кличку Мясник за методы работы с арестованными, даже если его сами чекисты начали сторониться – перевели тихо из ГПУ на другую работу, и все. Даже если одного из ближайших приближенных Дзержинского Лациса, добровольного взявшего на себя обязанности самодеятельного пресс-секретаря ВЧК и толкователя политики «красного террора» в прессе, сам Ленин вынужден был одернуть публично и письменно за произнесение «кроважидных нелепостей» (когда Лацис написал в редактируемом им журнале «Красный террор», что не нужно чекистам вообще искать доказательств чьей-то вины, а расстреливать нужно только по классовому принципу) – того лишь отправили руководить ЧК на Украину.

В спецслужбе мирного времени такой подход уже был неприменим, пришлось срочно менять меру ответственности. Поначалу объявили кампанию по борьбе с «партизанщиной» в ГПУ по этому поводу, затем решили, что термин бросает тень на партизан Гражданской, и тогда придумали определение «красный бандитизм» – специально для неуправляемых или слишком фанатичных идейно деятелей в кожанках. Многие видные начальники тогдашнего ГПУ посчитали даже такую мягкую чистку ущемлением прав их родной спецслужбы. Тогдашний один из заместителей Дзержинского в ГПУ Ягода писал, что изгнанные чекисты становятся в среде обывателей «отверженными» за свою прошлую службу и власть сама толкает таких людей в «красный бандитизм». Но такие протесты тогда уже не возымели действия – спецслужбу просто необходимо было чистить от откровенных палачей и радикалов ввиду перехода к мирной жизни и политике НЭПа в стране.

После того как за пределы ГПУ вывели часть особо запятнавших себя в 1918–1921 годах в репрессиях или в неподчинении начальству «вольных альбатросов» из ЧК, серьезно взялись и за оставшихся. Первые же приговоры преступившим грань уже советского закона чекистам из ГПУ в начале и середине 20-х годов показали, что карать за самовольные расстрелы или выпуск за взятку арестованных из ЧК двумя-тремя годами условно или лишением звания чекиста, как это случалось в 1918–1919 годах, больше не будут. Например, уже в 1922 году расстрелян сотрудник ГПУ Зайцев, прослуживший в ЧК всю Гражданскую, за получение взятки для прекращения дела о шпионаже. В том же году только за ложный донос (сколько их было в Гражданскую) сотрудник Казанского ГПУ Иванов также расстрелян во внесудебном порядке, а всего за 1922 год расстреляно по стране более 20 кадровых сотрудников ГПУ. Сотрудник особого отдела ГПУ Шланак из особистов 4-й армии РККА продавал чекистские мандаты и пропуска уголовникам и спекулянтам в Крыму, где эта армия была

расквартирована, – его показательно расстреляли, изложив его историю в газете «Красный Крым».

По справке начальника Украинского ГПУ Балицкого видно, что за 1922 год по его приказу отданы под суд и расстреляны 9 подчиненных ему чекистов, вина которых колебалась от элементарных взяток (Самойлов, Володин, Брейтман) и изнасилований арестованных (Гончаров) до таких серьезных обвинений, как выявленная работа на контрразведку белых в годы войны (Прусиновский) или раскрытие в пьяном виде конспиративной квартиры ЧК (Котляров). В следующем, 1923 году за тайные связи с контрреволюционерами впервые в молодой внешней разведке ГПУ расстрелян сотрудник ИНО ГПУ Свистунов. В 1924 году за связь с монархистами расстреляны сотрудник ГПУ Котельников и бывший царский офицер Поливанов, служивший в ГПУ Витебска.

Кроме 20 расстрелянных в рядах ГПУ только за первый 1922 год его существования увеличилось количество и осужденных на различные тюремные сроки. Так в особом, так называемом «внесудебном», порядке ГПУ вынесен приговор в отношении бывших сотрудников Анохина и Данилова, вызвавший тогда вопросы даже у главного советского обвинителя Крыленко – тогда еще заместителя наркома юстиции РСФСР. Только за раскрытие конспиративных методов работы Анохин получил от ГПУ три года тюремного заключения, а его коллега Данилов – год. В итоге приговор своим бывшим сотрудникам ГПУ отстояло. Узнав, что дело арестованного сотрудника ГПУ Бородулькина передано вместо особого совещания ГПУ в обычный народный суд, Дзержинский возмутился и добился через Наркомат юстиции возвращения дела для разбирательства в свою службу.

Само руководство ГПУ становится часто более бескомпромиссно к своим преступившим закон сотрудникам, все реже учитывая даже прошлые заслуги в ЧК, молодость или преданность делу революции. В январе 1923 года лично председатель ГПУ Дзержинский обращается во ВЦИК к Сапронову, когда ВЦИК до нового разбирательства приостановлено дело по бывшим сотрудникам ГПУ Гельфману и Свярковскому, уже осужденным в упрощенном порядке ГПУ к смертной казни. Дзержинский пишет во ВЦИК, что дело ему хорошо известно в деталях и никаких причин для отмены смертного приговора чекистам-отступникам он не видит. Что Гельфман и Свярковский запятнали звание чекиста уголовными преступлениями и прямой изменой советской власти, а «оперуполномоченный Петроградского ГПУ Болеслав Свярковский параллельно с кассационной жалобой на приговор во ВЦИК тайно связывался с членами польской делегации о заступничестве за него, как за поляка, и обмене его на пленных». В годы Гражданской войны руководство ВЧК чаще ходатайствовало перед высшей советской властью о смягчении участи низвергнутого из ЧК товарища.

Позднее пошли в основном расстрелы чекистов только за откровенную измену в виде работы на чужую разведку или тайную связь с антисоветским подпольем либо эмиграцией, сюда же добавим и расстрелянных за связи с оппозиционными фракциями в самой большевистской партии. Так в результате довольно темной истории в 1926 году за связь с белой эмиграцией арестован и расстрелян сотрудник Донецкого ГПУ Варшавский.

Не обошла эта кампания наведения порядка среди чекистов и многих деятелей прошлой ЧК, имевших бесспорные заслуги перед революцией и защищавших советскую власть в годы Гражданской войны. По такому делу о «красном бандитизме» в 1922 году в Томске осудили тайную организацию бывших партизан, собиравшихся террором бороться за возвращение истинной революции, убивать бывших офицеров царской армии и чиновников, невзирая на их службу Советам, а заодно и «всяких интеллигентов» и «забюрократившихся членов РКП(б)». Организатором этой группы стал действующий сотрудник Томского ГПУ Маслов.

Строже стало отношение и к не политическим шалостям в чекистских рядах, а к коррупции, бытовому разложению или пьянству. На середину 20-х годов приходится приказ

заместителя начальника ГПУ Генриха Ягоды о борьбе с пьянством в рядах ГПУ. По словам Ягоды, ситуация с пьянством среди чекистов становилась заметна уже и партийным верхам, особенно досталось за потакание этому пороку сотрудникам главному тогдашнему чекисту по Сибири Павлуновскому: «Пьянство вошло в обычное явление, пьянствуют даже с проститутками, о пьянках нашего аппарата известно уже и в Москве. Непьющего товарища начинают избегать. А отдельные товарищи начинают делиться с женами о секретной работе – в результате едут на Соловки». В результате этой первой антиалкогольной кампании в истории спецслужб нашей страны в ГПУ прошли очередные чистки с арестами. В 1926 году начальник Бийского отдела ГПУ в Сибири Вольфрам за систематическое пьянство и финансовые злоупотребления осужден на три года лагерей.

В Одесском ГПУ обнаружили смычку многих руководителей с сильным здесь блатным миром: за взятки блатарей выпускали из тюрьмы и даже выписывали им поддельные ордера ГПУ на обыск, с которыми налетчики грабили под видом чекистов местных нэпманов. Ряд чекистов под началом командира Одесского угрозыска Левитина в те годы вообще создали банду оборотней в кожанках, заманивая на конспиративные квартиры подпольных дельцов, арестовывая их там и затем за крупное вознаграждение выпуская на свободу. Когда все это было раскрыто, а в Одессу ввиду важности дела даже лично выезжал начальник Украинского ГПУ Балицкий – с должности был снят герой подполья Одессы в Гражданскую войну и заместитель начальника Одесского ГПУ Александр Эйнгорн, его отправили для перевоспитания с понижением в ГПУ Ташкента. С началом Большого террора бывшего красного подпольщика и чекиста Эйнгорна родные спецслужбы будут «перевоспитывать» еще и пятнадцатью годами лагерей.

В 1923 году бывший знаменитый пермский чекист Гавриил Мясников, имевший перед советской властью такие «заслуги», как убийства священников и тайная ликвидация великого князя Михаила Романова, только за вхождение в «Рабочую оппозицию» в партии будет сначала выслан из СССР. Затем по личному указанию Дзержинского обманом амнистии он вызван вновь в Москву, арестован и брошен в тюрьму (еще позднее все это для Мясникова закончится смертной казнью). Власть ясно давала понять боевому активу своей спецслужбы, что время лихой самодеятельности, закрытых глаз на шалости самих чекистов, время «красного бандитизма», каких-то пусть даже самых «рабочих» оппозиционных групп в партии ушло в историю вслед за Гражданской войной. А кто этого не понял – никакие заслуги и звание почетного чекиста не спасут от суровой кары. Позднее под каток репрессий уже в Большой террор конца 30-х годов попадет и будет расстрелян и видный партиец из деятелей «Рабочей оппозиции» Генрих Бруно, в Гражданскую войну занимавший высокие должности в ЧК на фронте.

Сам Дзержинский требовал ужесточить эту кампанию чистки рядов во вновь созданном ГПУ. Он с 1922 года выбил у ЦК партии право для своей спецслужбы судить собственными «тройками» преступивших закон сотрудников ГПУ, мотивируя это требованиями конспиративности работы спецслужбы. Верховную «тройку» в коллегии ГПУ составили Уншлихт, Петерс и Ягода. В 1922 году это еще ближайшие для Дзержинского люди из первой коллегии его ВЧК, но очень скоро на Лубянке из них останется только Ягода, а Петерса с Уншлихтом из ГПУ переведут на другую работу.

Разрешение на осуждение в особом «внесудебном» порядке экс-чекистов самим ГПУ было пролоббировано Дзержинским и получено от ВЦИК уже в марте 1922 года, на первом месяце существования самого ГПУ. В печально известном Соловецком концлагере (СЛОН) для осужденных чекистов создали закрытый сектор, где они были изолированы от остальной массы «политических». Судя по записям Дзержинского, он собирался на Урале в городке Нижняя Тура отвести под эти цели некую секретную тюрьму ГПУ, на месте сохранившихся казематов николаевских времен. Позднее в СССР именно в этих уральских краях будет спе-

циальная зона в Нижнем Тагиле для осужденных работников КГБ и МВД СССР. Столь же радикально Дзержинский предлагал бороться с уличенными в злоупотреблениях советскими служащими, даже если их проступки не тянули на повод для ареста: «Провинившихся чиновников высылать в особом порядке и колонизировать за счет них отдаленные местности на Печоре или в Туруханском крае».

С этого момента право внесудебных расстрелов для ГПУ по разрешению высшей власти в лице ВЦИК СССР только расширялось, включая кроме самих сотрудников ГПУ все новые категории арестованных, что отмечают многие историки спецслужб: «27 апреля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) решило предоставить ГПУ «право непосредственного расстрела на месте» участников вооруженных ограблений, захваченных при совершении преступлений. 10 августа 1922 года коллегия ГПУ под председательством Дзержинского обсудила вопрос «О суде над сотрудниками органов ГПУ»... Но лишь 28 сентября 1922 года Дзержинский писал Ягоде: «Сегодня принято Политбюро постановление о расширении наших прав, в том числе и право ведения нами следствия и вынесения приговора по должностным преступлениям наших сотрудников. Цель этого права – суровость наказания – должна быть нами разъяснена всем губернским отделам, иначе опасения Крыленко могут оправдаться и это может превратиться в безнаказанность... Хорошо будет, если придете ко мне сегодня на доклад с Воронцовым». Постановление Президиума ВЦИК по этому вопросу состоялось только 16 октября 1922 года... 24 мая 1923 года решением Президиума ЦИК СССР право внесудебных репрессий по ходатайствам ГПУ было расширено и на сотрудников Разведывательного управления штаба РККА и его органов. 17 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР предоставил право внесудебных репрессий Особой комиссии по административным высылкам (высылка и заключение в концлагерь на срок более трех лет). А с 1 апреля 1924 года во внесудебном порядке органы ОГПУ стали рассматривать дела фальшивомонетчиков. 20 ноября 1924 года по предложению Д.И. Курского, В.Р. Менжинского и Г.Я. Сокольникова Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о расширении прав ОГПУ «в отношении лиц, занимающихся подделками денгеков»... Только за десять месяцев 1923 года суды вынесли 971 приговор к ВМН, трибуналы – 296, всего – 1267, из них они утверждены окончательно только в отношении 487 лиц. За это же время ГПУ были осуждены и расстреляны 604 человека. Крыленко писал Дзержинскому 1 февраля 1924 года, что этот показатель должен быть признан чрезмерно высоким».¹

В закрытый сектор на Соловках потек ручеек осужденных чекистов с 1922 года, постепенно превращаясь в мощный поток к 1937 году. Соловки словно специально были предначертаны к этому судьбой, если вспомнить, что сам первый руководитель Тайной канцелярии (первой официальной спецслужбы России) граф Петр Толстой после своей опалы в 1727 году был заточен в Соловецкую крепость, где и умер в одиночной камере. Теперь этим маршрутом везли других «репрессированных репрессаторов» из рядов ГПУ. Хотя первые осужденные в начале жизни ГПУ чекисты, как правило, совершили реальные, а не выдуманные преступления против своей спецслужбы или советской власти в целом. Так в Соловецкий концлагерь в 1923 году отправлен по этапу Иван Розанов из Оренбургского управления ГПУ, «давший вымышленные сведения о существовании контрреволюционной организации». Этот чекист пострадал за то, чем активно пользовались в годы Гражданской войны сотрудники ЧК, – за попытку слепить вымышленную антисоветскую группу. Осуждена на три года на Соловках и машинистка Особого отдела ГПУ Нина Попова «за разглашение информации и методов работы ГПУ». В деле другой изгнанной в 1926 году из чекистских рядов машинистки Пятигорского отдела ГПУ Анны Пономаревой, которую за несовершенным ею служебным преступлением хотя бы не посадили, записана почти анекдотическая

¹ Плеханов А.М. Дзержинский – первый чекист России. М., 2007. С. 121–122.

формулировка: «За абсолютную политнеграмотность и мещанские взгляды на жизнь, выжившие в ношении золотых колец на пальцах рук».

Власть явно наводила порядок в своей спецслужбе ее же собственными руками и методами. В новых условиях в ГПУ уже не было места видениям бывших «романтических лет Гражданской», толпам нетрезвых и возбужденных классово яростно полуграмотных ребят в кожанках и с маузерами на боках. Неудивительно, что в область преданий ушли и сами заезженные пропагандой кожанки первой ЧК, в ГПУ уже была унифицированная особая форма и знаки различия в петлицах. Политнеграмотная машинистка Пятигорского ГПУ Пономарева, любившая золотые украшения, под кампанию попала заодно, но такие случаи наведения порядка внутри ГПУ в середине 20-х весьма показательны.

Дзержинский в эти годы много внимания лично уделял этой чистке ГПУ от подобной случайной публики, людей ультрареволюционного настроения или с уголовными наклонностями. Он лично контролирует самую большую чистку в ГПУ 1922 года, ответственной за которую назначил руководящую кадровую работу в ГПУ Андрееву. В одной из служебных записок от июля 1922 года он буквально кипит от ярости по поводу того, что «проглядели» некоего сотрудника ГПУ Карпова, обвиненного теперь во взятках, личном обогащении на службе, запугивании соседей по коммуналке чекистским мандатом с револьвером в руках, да еще и в явном антисемитизме: «Товарищ Фельдман, каленым железом надо выжигать из ГПУ таких подлецов. Мера наказания должна быть определена при моем участии. Приговор должен навести ужас на подобных лиц – дабы ушли от нас». Председатель ГПУ весной 1924 года даже не поленился собственноручно написать вопросник для очередной чистки своей службы, где есть в анкете такие вопросы для негласной проверки сотрудников: «Болтлив ли, выпивает ли?», «Ходит ли в увеселительные места?», «Берет ли документы на дом?» и даже «Падок ли к бабам?». От этих собственноручно написанных Дзержинским пунктов вопросника его привычный образ начинает выглядеть чуть по-другому.

В те же первые годы работы ГПУ отдельными процессами и невиданными ранее репрессиями против самих чекистов пришлось внедрять идею полного подчинения органов госбезопасности государству и партии. Остатки внутричекистской изоляции и вольности эпохи кожанок искоренялись серьезным уголовным преследованием не понявших нового подхода чекистов. В мае 1926 года почти десяток сотрудников ГПУ по Владимирской области самого разного уровня были отданы под суд за оперативную разработку без санкции из Москвы секретаря местного обкома партии Асаткина. Пытавшийся заступиться за владимирских чекистов на Лубянке начальник секретного отдела ГПУ Терентий Дерибас, предлагавший ограничиться выговорами и увольнениями, был немедленно одернут сверху самим Дзержинским, свято требовавшим соблюдать принцип полного подчинения ГПУ партии (самого Дерибаса родные органы окончательно излечат от иллюзий славных времен Гражданской войны расстрелом в репрессии 1937 года). С тех пор и до самого краха СССР в 1991 году сохранялось четкое правило, по которому чекисты в провинции без особо регламентированной процедуры получения разрешения в центре не имели права вести агентурную или оперативную работу против местной партийной номенклатуры.

Характерно, что в том же 1926 году появилось известное распоряжение заместителя начальника ГПУ Ягоды (Дзержинский как раз в это лето умер, а назначенный вместо него Менжинский в очередной раз был болен) о недопустимости грубого и невежливого отношения к гражданам со стороны сотрудников ГПУ, как и о недопустимости грубости в общении между самими сотрудниками разного уровня в ГПУ. Интересно, что подписал этот приказ о вежливости, в котором были строки о «вызывающем начальственном тоне, резких окриках и просто ругательствах», именно зампред ГПУ Генрих Ягода, которого многие его подчиненные считали самым хамоватым и склонным к площадной ругани из высших руководителей госбезопасности тех лет. Ведь и приказ о борьбе с пьянством в ГПУ написал тот же Ягода,

судя по воспоминаниям отнюдь не самый большой трезвенник и аскет в этом плане. Хотя тут дело не в личности Ягоды, этот приказ о вежливости был явно продиктован политикой с верхов власти и предназначен для того же наведения в молодом ГПУ элементарного порядка и дисциплины. В том же самом 1926 году Генрих Ягода подписал и другой приказ, запрещавший сотрудникам ГПУ после их ухода из госбезопасности издавать любое литературное произведение без санкции на бывшей службе, – это правило сохранится до последних дней КГБ в Советском Союзе. А воспоминания бывших сотрудников ГПУ необходимо было сначала в рукописном виде отправлять бывшему начальству, не оставляя у себя машинописных копий.

Одновременно с этим обузданием анархии и излишков романтики революции в ГПУ те же процессы шли во всех отраслях жизни Советской России, переходившей с урореволюционных на мирно-бюрократические рельсы. Так, в том же 1922 году покончено с экспериментами в советской литературе и искусстве, свернута революционная пропаганда свободной любви и введена жесткая цензура созданного Главлита. В 1926 году опять же зампред ГПУ Ягода разослал по областным отделам ГПУ известный циркуляр о своеобразной чекистской цензуре поведения в обществе, в котором был перечень запрещенных к публичному исполнению песен, в основном шансонно-блатного стиля. Именно по этому циркуляру трепали нервы молодому шансонье Леониду Утесову с его «Бубличками» и «Одесскими кичманами», был в этом циркуляре и запрет «буржуазных танцев» (фокстрота, тустепа и т. д.).

Власть меняла многие установки первых лет революции и Гражданской войны, и с этой сменой колес под мирную колею новому Советскому государству требовалась отлаженная и полностью подчиненная партии машина тайного сыска, умеющая работать профессионально. Недаром сам Дзержинский в 1922 году с тревогой докладывал большевистскому ЦК, что вопрос о кадровом составе нового ГПУ представляется ему очень тревожным и болезненным, поскольку «состояние ГПУ внушает опасение, нет наплыва свежих ответственных товарищей, а старые болеют или бегут из ГПУ» – так он написал тогда секретарю ЦК Молотову.

Сам Дзержинский тоже осознавал необходимость такой перестройки внутри ГПУ. Он лично теперь заявлял, часто вразрез со своей доктриной времен ВЧК, что одной чекистской смелости и революционного духа уже для работы в ГПУ недостаточно, необходимы выучка и знание своего дела. Уже в декабре 1922 года, выступая перед активом ГПУ на вечере в честь пятой годовщины создания советской спецслужбы, он провозгласил новую установку: «Методы изменились, сейчас вы обязаны идти по тому пути, который начертали советская власть и партия, – по пути революционной законности, придерживаясь декретов, строго следя за их выполнением, согласуя свои действия с прокурорским надзором».

Эти слова любящие Дзержинского исследователи часто цитируют в обоснование тезиса о нем как о жестком поборнике законности, хотя его же речь является доказательством, что до 1922 года в прежней ВЧК на эту законность и прокурорский надзор особого внимания не обращали, а ведь там командовал все тот же Дзержинский.

Большие репетиции

Окончание прямой Гражданской войны и даже объявление Лениным некоторой либерализации советской жизни в виде новой политики НЭП не слишком повлияли на жесткий характер советской госбезопасности. Внутри самого ГПУ постоянно звучали призывы к сохранению бдительности во вражеском окружении и о готовности недобитых врагов социализма к новым боям или тайным диверсиям. Отличным эпиграфом к главе о деятельности ГПУ после затихания Гражданской войны в относительно мирных 20-х годах стали бы бесподобные строчки песни большевиков из кинофильма «Собачье сердце» по Михаилу Булгакову: «Суровые годы уходят – борьбы за свободу страны, за ними другие приходят – они будут также трудны!» Действительно, облегчения жизни никто не обещал, особенно советское ГПУ.

Весь период до конца 20-х годов сейчас выглядит массовой тренировкой ГПУ перед началом Большого террора в 30-х годах. И многие кампании чекистской истории до 1930 года выглядят репетициями больших процессов в будущем. Вот знаменитые «философские пароходы», когда по высшему указанию Ленина в начале 20-х годов принудительно высылался за границу цвет российской интеллигенции. На этих кораблях Советскую Россию покидали Бердяев, Булгаков, Сорокин, Франк и масса других ученых, философов, писателей, деятелей искусств. Ответственным за эту гигантскую операцию по «выдавливанию мозгов» (по аналогии с модным ныне термином о добровольной «утечке мозгов» из России на Запад) Дзержинский в 1922 году назначил главу Секретного отдела ГПУ Якова Агранова, который с тех пор почитал себя среди чекистов главным специалистом по работе с советской интеллигенцией, даже неким негласным куратором деятелей литературы и искусства внутри ГПУ – НКВД, и продолжал считать себя главным чекистом-искусствоведом, вплоть до собственного ареста и расстрела в подвалах НКВД в Большой террор.

В 1922 году Агранов регулярно предоставлял Дзержинскому и Ленину списки приговоренных ГПУ к насильственной высылке из страны, а те вносили в них правки. Кого-то в итоге так и не выпустили, как известного экономиста Кондратьева, против которого Дзержинский приказал ГПУ возбудить дело о сотрудничестве ученого с эсерами, эта ремарка на списке не пустила Кондратьева в эмиграцию и стоила ему позднее жизни.

Запрет выехать за границу для лечения, наложенный еще ранее ВЧК, скорее всего, погубил и поэта Блока. Пока на Лубянке и в Кремле решали дилемму, выпустить за границу Блока или Сологуба, Блок уже успел умереть от болезни в 1921 году, и вопрос решился сам собой. Так что за гибель этого поэта отчасти тоже ответственны советские чекисты, присвоившие затем в качестве своих девизов вырванные из блоковских стихов строки типа «И вечный бой! Покой нам только снится!» или «Шаг держи революционный, близок враг неутомимый!». Их знали наизусть поколения советских людей, а многие даже не догадывались, что автор этих чекистских слоганов поэт Александр Блок косвенно уморен ведомством Дзержинского в полуголодной Советской России 1921 года. Никакие заслуги перед новой большевистской властью поначалу очарованного революцией поэта, никакие публицистические его просоветские вещи типа работы «Интеллигенция и революция» или наполненная революционным пафосом поэма «Двенадцать», где Блок ухитрился даже Иисуса Христа втиснуть в ряды большевистского патруля, не заставили ведомство Дзержинского смиловаться над тяжелобольным гением русской поэзии. Впрочем, на подсознательном уровне эстетствующий поэт из Серебряного века должен был оставаться для ленинских чекистов духовно чуждым, да и сам Блок к 1921 году после ужасов Гражданской войны и «красного террора» отчасти отошел от своих революционных восторгов 1917 года. Поэтому на Лубянке косвенно обрекли его на гибель, отказав в лечении, которого в Советской России уже не

могли оказать. Как косвенно чекисты повинны и в гибели от голода в Сергиевом Посаде философа Розанова, также не дождавшегося своей спасительной высылки.

Блок стал еще одной жертвой чекистского ведомства среди известных литераторов за весь советский период нашей истории. Первым погибшим напрямую от чекистских репрессий в этом ряду считают известного в дореволюционной России писателя и публициста, друга Чехова и Толстого Михаила Меншикова, в 1918 году не принявшего власти большевиков литератора чекисты расстреляли на берегу Валдая. Затем будут и Гумилев, и Мандельштам, и Бабель, и Веселый, и Пильняк, и множество других убитых и уморенных деятелей пера только за 20 – 30-е годы.

Когда нам в советской школе рассказывали, каким «ужасным» преследованиям и лишениям со стороны царского сыска подвергались литераторы в Российской империи, как баснописец Крылов скрывался в своем имении после ареста его друга книгоиздателя Новикова, как страдал на царской каторге Достоевский (за реальное участие в антиправительственном тайном кружке), как жандармы Третьего отделения третировали Пушкина и гнали Лермонтова под пули горцев на Кавказ, как мыкался в вынужденной эмиграции перед революцией Горький, – какой мелочью все это кажется перед мрачным мартирологом напрямую уничтоженных ВЧК – ГПУ – НКВД деятелей нашей литературы всего за каких-то два десятка лет, несоизмеримых с многовековой историей империи Романовых. Блок тоже должен стоять в этой печальной череде, даже несмотря на естественную с виду его смерть от чахотки, ведь его обрекли на смерть отказом в выезде.

Других, находившихся под вопросом, все же в итоге отпустили из Советского Союза, как историка Рожкова или ректора Казанского университета Овчинникова, решением чьей судьбы занимался лично Ленин, а вопрос об их высылке решался даже в ЦК партии. Дзержинский в этих спорах «выпускать или не выпускать» почти всегда занимал самую жесткую позицию: «Не пущать!» Дзержинский часто указывал, сколько из выпущенных в самой большой группе летом 1922 года деятелей искусства и литературы в эмиграции стали наиболее непримиримыми разоблачителями его ведомства и просто ярыми врагами советской власти.

Так у Ленина только лично ходатайство Горького позволило вымолить разрешение выпустить из Советской России еврейского писателя Хаима Бялика и нескольких его друзей, поехавших в Палестину создавать израильскую литературу, да и самого Горького в его длительную творческую командировку в Европу для лечения отпускал тоже лично Ленин. Когда в командировку за границу в начале 20-х отправляли советских работников, в обязательном порядке их семьи оставались в Советской России фактическими заложниками в руках ЧК. Один из заместителей Рыкова в Совете народного хозяйства (ВСНХ) Семен Либерман умолял Дзержинского на аудиенции у того разрешить выехать с ним семье, поскольку в срочном лечении за рубежом нуждался его маленький сын, Дзержинский и ему однозначно и хмуро отказал. Только пробившись лично к Ленину, который специалиста по внешней торговле очень ценил, Либерман добился своего: Владимир Ильич лично позвонил Дзержинскому и приказал отпустить Либермана в командировку вместе с семьей. Уже после смерти Ленина Либермана ведомство Дзержинского задержало своими подозрениями и вызовами «на беседы» в дом на Лубянке, в итоге тот в 1926 году в очередной командировке в Данию все же стал невозвращенцем, покинув СССР навсегда.

Большинству изгнанных с родины пассажиров «философских пароходов» эта кампания ГПУ в итоге спасла жизнь. Очень скоро советская власть и ее спецслужба перестали быть такими травоядными, перейдя от массовых изгнаний к массовым расстрелам. Ленин написал Дзержинскому: «К делу высылки связанных с контрреволюцией профессоров и писателей нужно бы подойти внимательнее, а то можно наглупить». Уже к 1923 году разобрались, что изгнанные вливаются в мощную диаспору эмиграции и часто начинают высту-

пать против изгнавшей их советской власти, то есть уже «наглупили». В тот год уже поток высланных прекратился, в 1923 году отпустили уже последних одиночек, как бывшего секретаря Льва Толстого Булгакова, и замок на границе закрыли более чем на полвека. И эки сталинской «шарашки» 40-х годов из солженицынского «В круге первом» будут хохотать над «страшной карой» ленинского УК о принудительной высылке за пределы Советской России, казавшейся им после ужасов 30-х самым желанным и недостижимым благом.

Репетировали в те же годы и обратный процесс возвращения не без участия советских спецслужб ранее отбывших в эмиграцию граждан России на родину. Как и в случае с высылкой из Советской России, здесь ленинская власть и ее ГПУ еще не вошли в раж откровенных репрессий. Значительная часть таких вернувшихся эмигрантов в 20-х годах сама приняла такое решение, хотя иногда и не без долгих уговоров сотрудников внешней разведки ГПУ или в результате тонких операций советских разведчиков.

Хотя и в историях этих первых «реэмигрантов» уже были странности и темные пятна. Как, например, в нашумевшей в белой эмиграции истории с внезапным и тайным отъездом в Советскую Россию группы офицеров бывшей армии Врангеля из Турции осенью 1921 года на пароходе «Решид-паша». В их числе был и один из самых талантливых на поле боя и жестоких в собственном тылу за всю историю Белого движения генерал Слащев. Почему именно безжалостный к красным пленным садист в погонах Яков Слащев, прототип полубезумного генерала Хлудова в «Беге» Булгакова, даже самим Врангелем отдаваемый за жестокости под суд, поверил этой советской амнистии для деятелей Белого движения (декрету ленинского ВЦИК от 3 ноября 1921 года), почему не побоялся мести за кровь в Гражданскую? В эмиграции было устойчивое мнение: Слащева и тайно отъехавшего вместе с ним в Россию начальника врангелевского конвоя Мезерницкого завербовала ЧК еще в Турции, и оба получили амнистию с разрешением вновь увидеть родину в обмен на тайную информацию о белых эмигрантах.

И это мнение не лишено оснований, поскольку сейчас известен не один случай такой вербовки белых офицеров для тайной работы на Лубянку с последующей милостью в виде разрешения вернуться на родину (двумя десятками лет позже для доживших эта милость в большинстве своем закончится опять расстрельным приговором). Так это было в случае вернувшегося в СССР офицера Главного штаба армии Врангеля Бориса Базарова, которого чекисты завербовали еще в годы Гражданской войны в Крыму. В эмиграции Базаров работал тайным агентом ИНО ГПУ среди белых эмигрантов в Сербии, получил за это право вернуться в Москву, работал в ИНО резидентом в странах Европы и США, а в 1938 году отозван в СССР и расстрелян как бывший белый офицер.

Как известно, бывший белый генерал Слащев затем преподавал военную науку красным командирам на курсах «Выстрел», и на этом посту в 1929 году он был застрелен курсантом «Выстрела» Лазарем Коленбергом, явившимся за этим к белому генералу прямо на квартиру. Коленберг на следствии объявил свой поступок мстью за казненного Слащевым в годы Гражданской войны родного брата, после чего был признан психически невменяемым и сгинул в психушках, а дело об убийстве Слащева было в связи с этим прекращено. Если Слащева чекисты действительно завербовали в свои агенты еще в эмиграции, а вернуться в Россию ему разрешили в силу договора с ним о тайных услугах и в целях хорошей пропагандистской акции, направленной на рядовых эмигрантов (коль скоро помиловали такого одиозного генерала-кровопийцу из белых, им-то и вовсе бояться нечего и можно ехать домой), то и такое «случайное» убийство сумасшедшим мстителем Коленбергом было бы для ГПУ оптимальным финалом всей операции. Советская власть проявила гуманность к одному из злейших врагов среди белых, примеру Слащева последовали и другие офицеры-эмигранты, мсть за кровь товарищей в 1918–1920 годах все же состоялась, а за безумца-убийцу ГПУ не в ответе.

Многие уверены, что Слащева использовали и устранили затем именно по этой схеме, что это с самого 1921 года была растянутая по времени операция чекистов. Хотя никаких твердых доказательств версии ликвидации Слащева ГПУ руками Коленберга нет, мог действительно найтись одержимый идеей возмездия мститель-одиночка. Всего за несколько лет до убийства Слащева при очень схожих обстоятельствах погиб похожий на него жестокий китайский генерал Суй Сучен, занимавшийся на отгремевшей китайской междоусобице похожими на слащевские делами. В 1925 году в его штабной поезд также пробрался сын казненного им человека, разрядив в генерала-садиста по кличке Маленький Суй целую обойму, после чего толпа китайцев отбила мстителя у полицейских и помогла ему скрыться.

Вся эта заседавшая в 1923 году в Новочеркасске (куда из Болгарии и Турции корабли привозили основную массу возвращавшихся добровольно белогвардейцев) под началом чекиста Андреева, уполномоченного ГПУ по Дону и Кубани, без особых последствий пропустила после фильтрации только рядовых солдат и казаков бывшей белой армии. Офицеры сразу попадали под негласный надзор советской госбезопасности. Многим из них, якобы полностью прощенным в 1923–1924 годах этой амнистией и даже направленным служить на командные должности в РККА, первые же политические заморозки и процессы против «врагов народа» стоили ареста и расстрела. Как вернувшемуся в этой волне белому генералу Секретеву, уже в 1930 году ставшему в рамках дела «Весна» обвиняемым в участии в тайном «Казачьем блоке».

Рискнул вернуться из японской эмиграции белый генерал Болдырев, бывший в 1918 году командующим армией Уфимской директории, после небольшой отсидки в советской тюрьме в 1926 году освобожден и полностью амнистирован советской властью только для того, чтобы уже в 1933 году после очередного ареста по обвинению в антисоветской деятельности быть расстрелянным. Офицер Чугунов, из сбежавших к белым в Гражданскую военспецов РККА, вернулся в 1923 году по этой амнистии с чистосердечным раскаянием, – только приняв во внимание «добровольное возвращение» и «классовое происхождение из крестьян», советский суд удовлетворился десятью годами лагерей для Чугунова. В 1933 году в СССР пожелал вернуться за чем-то другой генерал колчаковской армии Николай Сукин – здесь дожил только до первых арестов 1937 года, когда расстрелян НКВД. Вернулся и получил амнистию служивший в контрразведке Колчака бывший при царе прокурорский работник Пospelов – позднее в Омске тоже арестован и расстрелян, таких советская власть все-раз миловать не собиралась.

Некоторых из вернувшихся белогвардейцев не спасли ни верная служба в РККА, ни активная работа на советские спецслужбы, ни попытки заслужить прощение новой власти написанием заказных пасквилей о Белом движении. Так, бывший офицер Добровольческой армии Венус написал книгу «Зяблики в погонах» с разоблачением зверств белых в прошедшей войне, но все равно в СССР скитался с места на место в промежутках между арестами ГПУ в качестве неблагонадежного. Последний арест в 1939 году застал Венуса работавшим бакенщиком на Волге, во время следствия он скончался в камере НКВД поволжского городка Сызрань.

Многих из них не спасли даже большие заслуги перед советской разведкой в работе против белых эмигрантов за рубежом, как белого офицера Сергея Эфрона, мужа поэтессы Марины Цветаевой, чей непростой жизненный путь с Белым делом, эмиграцией, сотрудничеством с ГПУ и возвращением в СССР в 1941 году точно так же оборвет чекистская пуля. Так много сделавший для советской власти в деле возвращения части эмигрантов идеолог движения «Смена вех» журналист Устрялов, который в эмиграции даже издавал сменовеховский журнал с постоянными призывами возвращаться и примириться с Советами, якобы после 1921 года дрейфующими от военного коммунизма к старому имперскому патриотизму, сам в 1935 году прибыл в СССР – в 1937 году главный певец «Смены вех» и советского

патриотизма был отблагодарен НКВД арестом и расстрелом. Поэтому в истории с первыми возвращенцами по амнистии от 1921 года, как и в истории с изгнанием интеллигенции из России в 1922 году, в основе все равно был ловкий обман, в итоге обернувшийся большой кровью. И здесь тоже была генеральная репетиция: в 20-х годах назад в СССР чекисты еще заманивали уговорами и обещанием амнистии, вскоре повезут в мешках, похищенными и усыпленными морфием.

В целом вся эта громкая кампания со «Сменой вех» и «Союзами возвращенцев» не привела к особенно впечатляющим для Советов результатам. Вернулось в обмен на эти несколько амнистий не так много эмигрантов, как ожидалось. Большой частью среди вернувшихся уже в Советский Союз были те, кто уехал сразу после 1917 года, и штатские представители творческих профессий, решившие, что пережили за границей самые опасные годы Гражданской войны и военного коммунизма: журналисты, писатели, актеры, не воевавшие в Гражданскую генералы и прочие. Среди возвращенцев 20-х годов очень много несогласных с Белым делом, уехавших в 1918–1919 годах еще задолго до его поражения, как писатель и «красный граф» Алексей Толстой, отработавший для Советов свое возвращение нелицеприятным для оставшихся в изгнании романом «Эмигранты». Либо случайных в белом лагере людей, тоже рванувшихся после амнистии в Совдепию, как журналист и будущий сталинский любимец Илья Эренбург.

Из сознательных борцов белых армий Врангеля, Юденича или Колчака, отходивших с оружием из России после поражения, возвращались единицы типа Слащева. Из 130 тысяч уплывших с Врангелем осенью 1920 года из Крыма даже после года очень тяжелой жизни в изгнании в лагерях беженцев Галлиполи и острова Лемнос в ответ на все обещания в Советский Союз в 1921–1923 годах вернулось лишь несколько тысяч, в основном рядовых кубанских и донских казаков с Лемноса. Примерно столько же отбыли по найму на работы в Южную Америку, большая же часть стойко перенесла сидение в Галлиполи и на Лемносе, отбыв позднее в страны Европы. Даже в самых благоприятных условиях работы для ГПУ в сочувственно до 1923 года относившейся к СССР Болгарии в местный «Союз возвращения» из многих тысяч находившихся здесь чинов армии Врангеля записалась лишь пара сотен человек. У самих прошедших с честью весь страшный путь Гражданской войны белых отношение к возвращенцам или сменовеховцам всех мастей было презрительно-ненавистное, судя по многим их эмигрантским мемуарам: «За период Гражданской войны выработался особый тип авантюристов, подобных ландскнехтам Валленштейна, готовых служить кому угодно, но и готовых во всякое время на предательство. «Перелеты», как их называли в смутное время на Руси. Были и офицеры, подобные Слащеву, этому когда-то доблестному защитнику Крыма, а теперь морально деградировавшему человеку. Был и «матрос» Баткин, когда-то по поручению адмирала Колчака объехавший всю Россию для произнесения патристических речей, а теперь – продавший себя большевикам и служивший их тайным агентом в Константинополе. Был и Секретев, совершенно спившийся и погрябший в разгуле, был и полковник Брагин, продававший впоследствии русских в Бразилию как белых негров плантаторам Сан-Пауло. Все эти люди и им подобные шумной толпой требовали, клеветали, старались захватить что-то и всеми средствами навредить тем, кого они ненавидели в данное время. Генерал Слащев издавал брошюры, требовал суда общества и гласности. Он обвинял генерала Врангеля, что последний не принял его плана защиты Крыма, и уверял, что если бы он, Слащев-Крымский, встал тогда во главе войска, то Крым был бы спасен снова... Какой-то анонимный автор обличал в «Записках строевого офицера» все стратегические ошибки штаба Главнокомандующего, как будто бы это в данное время имело какой-либо смысл,

кроме желания обличения и нанесения вреда Русской армии. Вот от какой заразы приходилось оберегать людей».²

Даже в тех случаях, когда советская госбезопасность соблюдала предварительные договоренности при возвращении, эпоха Большого террора все это аннулировала. Так, в 1927 году из Львовского авиаотряда в Польшу во время маневровых полетов перелетел самолет ВВС Красной армии, его экипаж попросил поляков о политическом убежище. Командир экипажа получил польский паспорт на новую фамилию и начал новую жизнь в Европе, а его бортмеханик Трушкин затосковал по родине и вступил в контакт с органами ГПУ, пообещавшими ему небольшой тюремный срок при добровольном возвращении в СССР, благо вино за бегство он свалил на командира. Беглый авиатор вернулся в Союз и действительно был осужден лишь на шесть лет тюрьмы, дальше его судьба неизвестна, но вряд ли он прожил дольше 1937 года, так что в случаях большинства таких милостей возвращенцам все было относительно. Тот же вернувшийся на пароходе со Слащевым начальник врангелевского конвоя Мезерницкий в 1937 году арестован и расстрелян.

Из наглухо закрытого тогда Советского Союза люди пытались бежать разными методами, включая и такие оригинальные, как угон боевого самолета. Считается, что это в 60–80-х годах пошла волна таких угонов самолетов, что даже целые семейные ансамбли музыкантов захватывали пассажирские лайнеры с заложниками с кровавой развязкой в итоге, а молодой поэт Иосиф Бродский с друзьями в Самарканде планировал угнать самолет в Афганистан. Тогда советские граждане пытались покинуть советское отечество и в багажнике автомобиля, и на самодельном воздушном шаре, и выпрыгнув за борт с круизного лайнера в океане. На самом деле такие подзабытые массовые побегии пошли уже с 20-х годов, сразу после полного опускания железного занавеса по периметру только что созданного СССР.

В 1925 году, за два года до того, как в Польшу по воздуху улизнули советские военлеты Львовского авиаотряда, на Черном море группа бывших офицеров белой армии захватила рейсовый катер вместе с командой и пассажирами и вместо Ялты увела его в Болгарию, получив убежище у болгарских властей. Чуть ранее такая же группа не ушедших в 1920 году за море бывших врангелевских офицеров захватила прогулочное судно и направлялась к берегам Турции, но команда обманом доставила их в порт советского Батуми, где все члены этой группы были арестованы и расстреляны чекистами. Так что у захватывавших в 70-х и 80-х годах уже целыми семьями самолеты Бразинских или Овечкиных были предшественники начиная с 20-х годов, это тоже своего рода репетиции будущих больших событий позднесоветской эпохи.

Репетировали в те же годы и будущие большие процессы над «врагами народа», пик которых у НКВД придется на 1937–1939 годы. В первой половине 20-х годов прошла масса разрозненных процессов над эсерами, меньшевиками, народными социалистами, кадетами, деятелями еще царского режима (кого не добил «красный террор» 1918 года), даже какими-то выявленными стариками провокаторами, выдававшими царской охранке еще борцов «Народной воли» в конце XIX века. Например, в 1926 году ГПУ разыскало некоего Михайлина, еще при царе осужденного и отсидевшего в тюрьме за убийство видного большевика Николая Баумана. Бывший солдат и рабочий одного из московских заводов, причастный к черносотенному Союзу русского народа, Михайлин осенью 1905 года во время стычки черносотенцев с большевистской манифестацией пытался вырвать у Баумана красное знамя, а когда большевик выстрелил в его сторону из револьвера, проломил любимцу Ленина голову куском железной трубы. В тот же день Михайлин явился с повинной в полицию, был осужден за убийство в состоянии самообороны, отсидел в тюрьме полтора года. А вот в 1926 году ГПУ арестовало его уже по обвинению в том, что Михайлин, как боевик черносотенной

² Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. М., 2003. С. 47–48.

группировки и тайный агент царской охраны, умышленно убил большевика Баумана в ходе изощренной операции царских спецслужб, в результате Михайлин был ГПУ расстрелян. Это были процессы реванша по еще дореволюционным счетам.

В 1923 году чекисты разыскали бывшего морского офицера Ставраки, когда-то в 1906 году командовавшего расстрелом знаменитого лейтенанта Шмидта после подавления восстания на Черноморском флоте. Ставраки скрывался от новой власти с чужими документами, воевал в рядах колчаковцев, стал смотрителем маяка в Батумском порту и даже успел вступить в РКП(б). Но нашедшие его чекисты в 1923 году по приговору суда расстреляли Ставраки в отместку за расправу с героем революции 1905 года, хотя сам Шмидт никогда не был членом партии большевиков. Руководивший подавлением выступления моряков Шмидта царский генерал Карказ еще в 1918 году попал в руки ЧК в Севастополе; когда Красная армия в том же году уходила из города под напором врага, генерала Карказа чекисты вместе с другими узниками Севастопольской тюрьмы по заведенной у них традиции расстреляли.

В январе 1926 года ГПУ победно рапортовало, что найден и арестован бывший белогвардеец, лично убивший легендарного красного комдива Чапаева. На Лубянку пришла от начальника Пензенского управления ГПУ Тарашкевича телеграмма об опознании и аресте бывшего есаула Уральского казачества Трофимова-Мирского, работавшего в Пензе счетоводом в мельничной конторе. По словам Тарашкевича, бывший есаул в Гражданскую командовал отрядом казаков, разгромивших в Лбищенске штаб Чапаева в ходе ночного налета, а кроме того, не раз приказывал своим казакам казнить пленных красноармейцев. Трофимов-Мирский на следствии вообще отрицал свою службу в белой армии и руководство налетом на чапаевский штаб, утверждал, что в это время скитался со своими казаками в казахской степи за рекой Урал, но был уличен следователями ГПУ и осужден к смерти. Хотя, учитывая известные обстоятельства смерти комдива РККА Чапаева, который в попытке переплыть Урал погиб под градом пуль казаков с берега, вряд ли можно было твердо установить непосредственного его убийцу, но ГПУ воспользовалось возможностью громко отрапортовать: убийца красного героя Чапаева найден и наказан.

Эта кампания политических процессов ГПУ еще не была такой размахистой, не задевала все слои советского общества, методы следствия не были еще такими изуверскими, а приговоры еще не были так однозначно predeterminedены в сторону расстрела, как все это пойдет с 1937 года. Но общий стиль этих процессов над «недобитыми врагами» и большевистскими политическими партиями тоже наводит на мысль о репетиции перед генеральным сражением. Методика была откатана ГПУ именно на этих процессах против эсеров, энесов, меньшевиков в начале 20-х годов. Все чаще происки «врагов народов» идут и среди тех, кто никоим образом не входил в активисты антисоветских партий. Так, строивший и сдавший в 1927 году знаменитую Шуховскую башню для радиотрансляций на Шаболовке в Москве архитектор Шухов вдруг был обвинен в злоупотреблениях и достраивал свою знаменитую высотку под следствием ГПУ, только удачное окончание строительства спасло его от репрессий в конце 20-х годов.

В это же время ГПУ как вредитель в промышленности арестован видный ученый Александр Шаргей, один из пионеров советской космонавтики, на Западе больше известный под фамилией Кондратюк, хотя он тоже никак не боролся против советской власти. И только после ареста Шаргея ГПУ выяснило, что он живет по чужим документам на фамилию Кондратюка, чтобы скрыть свою недолгую службу в 1919 году в белой армии, куда двадцатилетнего парня деникинцы призвали по мобилизации и откуда он сам вскоре дезертировал. Шаргея-Кондратюка арестовали в 1929 году и осудили как вредителя и недобитого белогвардейца, в тюрьме он разработал проект принципиально новой электростанции, после чего был освобожден по личному ходатайству советского наркома промышленности Орджони-

кидзе. На свободе Шаргей продолжал работать в энергетике и после знакомства с Сергеем Королевым увлекся расчетами для будущих полетов в космос, осенью 1941 года с подходом немецких войск к Москве ученого призвали в народное ополчение, где он погиб в бою.

Вся верхушка партии эсеров, оставшаяся в России, на знаменитом процессе 1922 года (том самом, основанном на признательных показаниях Семенова и Коноплевой о террористической работе эсеров против Советов) получила незначительные сроки заключения или ссылки. Складывается ощущение, что суд 1922 года был нужен ГПУ лишь для окончательного устранения самой партии эсеров с политической арены и клеймения ее лидеров тавром «контрреволюционеров», а также как своеобразная тренировка таких массовых действий в недалеком будущем. Тем же закончились процессы для меньшевиков или народных социалистов: партии осудили и окончательно ликвидировали в 1922–1923 годах, дотянувших до Большого террора самих подсудимых физически ликвидировали в конце 30-х.

В 1924–1925 годах прошли аресты ГПУ бывших анархистов, против них собирались тоже организовать большой процесс по примеру эсеровского, но затем ограничились отдельными посадками, оставшихся видных деятелей дореволюционного анархизма добив опять же в 1937 году. В 1922 году посадили ненадолго только самых непримиримых сынов российской анархии, а еще часть выслали за пределы Советской России. Наиболее авторитетные из анархо-синдикалистов (самого умеренного из тогдашних течений анархии) заявили о разрыве с прошлым и даже вступили в партию большевиков, но 1937 год не пережили и они: Новомирский, Раевский, Сандомирский, Шатов и др.

Небольшой эмигрантский центр анархистов в Берлине, созданный высланными в 1922 году, тоже не избежал пристального внимания чекистов. В конце 20-х годов после обещаний от ГПУ полного прощения в СССР вернулся его лидер Ярчук, а затем и самый известный тогда из российских анархистов Петр Аршинов, террорист с дореволюционным стажем и крестный отец движения батьки Махно. В годы Большого террора оба также сгинули в топке репрессий. Вообще же, все помеченные процессами начала 20-х были с наступлением 1937 года обречены, оказавшись в особых списках ГПУ и на особом учете, единицы из них самой верной службой режиму выбили себе полное прощение, как бывший меньшевик Вышинский, генеральный прокурор сталинского Советского Союза.

На конец 20-х годов пришлось и знаменитое «Шахтинское дело», первый полноценный процесс над врагами народа из числа технической интеллигенции (инженеров), предтеча всех процессов десятилетием спустя. Если процессы начала 20-х годов считать репетициями перед грядущей эпохой глобального террора, то «Шахтинское дело», пользуясь той же терминологией театра, – генеральный прогон ГПУ перед бойней «врагов народа» с использованием масштабных судебных процессов. Его курировал в Ростовской области тогда главный начальник ГПУ по Северному Кавказу Евдокимов. По этому делу, призванному доказать наличие организаций вредителей из непартийных спецов в советской промышленности (по отдельности различных «вредителей» ЧК арестовывала с 1921 года), вынесено 11 смертных приговоров, хотя позднее шестерым из приговоренных к смерти за сотрудничество со следствием ГПУ расстрел был заменен тюремным заключением.

Вслед за «Шахтинским процессом» уже в 1930 году последует дело первой сфабрикованной антисоветской «Промпартии», открывшее список дутых дел несуществующих антигосударственных тайных групп, суды над членами которых оправдывали затем вал расстрелов. По нему арестована большая группа технических специалистов, ученых и экономистов во главе с профессором Разиным и высокопоставленным сотрудником советского Госплана Громаном. И здесь уже кроме планов по вредительству и саботажу в народном хозяйстве впервые отрепетировано ГПУ добавление на следствии для большего эффекта дутых обвинений в создании антисоветской партии для переворота в стране, связях с антисоветской эмиграцией и работе на иностранные разведки.

Картина уже тогда временами напоминала абсурдностью следственных версий и обвинений будущие большие процессы конца 30-х годов: члены «Промпартии», кроме рядового саботажа и вредительства в промышленности, будто бы планировали в случае нападения на СССР разом всей Европы «выкрутить пробки» и остановить железные дороги, специально планировали постройку важных объектов промышленности в Белоруссии и Украине для их скорого захвата интервентами, а все свои действия согласовывали с разведкой Франции. Те из объявленных лидерами «Промпартии» подсудимых, кто, подобно Разину, активно признавал на следствии и суде эту чушь и обличал других, отделались по ходатайству ГПУ небольшими сроками заключения. Других расстреляли по этому делу, как бывшего члена Временного правительства Пальчинского, или забили насмерть на следствии из-за отказа признаться, как Хренникова.

Нужно четко разграничить, что в пробном варианте такого большого процесса в случае с выявленной «Промпартией», в отличие от основной массы процессов такого же рода 1936–1939 годов, само существование подпольной организации не было с самого начала выдуманно и сфальсифицировано, а только творчески развито и дополнено фальсификацией в части шпионских и террористических планов. На то и черновик, чтобы на относительно правдивом материале существования достаточно безобидной и явно не слишком опасной для власти в СССР группы недовольных технократов и ученых, к тому же частью беспартийных или бывших меньшевиков, набить руку для обшивания дела шокирующими подробностями и превращения его в полноценный заговор врагов строя.

В случае с «Промпартией» к полученным следствием без особого труда (пыточное следствие в ГПУ тогда еще не было легализовано и применялось тайно в исключительных случаях) показаниям этих членов тайного дискуссионного кружка, действительно скептически относившихся к существующему строю, удалось быстро добавить «для солидности» установление связей с промышленниками-эмигрантами из обосновавшегося в Париже союза «Торгпром». Часть таких сфальсифицированных сведений о связях парижских эмигрантов с подпольной «Промпартией» поставил по своим каналам ИНО ГПУ. И арестованных в Союзе промпартийцев заставили их повторять на следствии и в суде в обмен на улучшение содержания в тюрьме и обещания сохранить жизнь. Правда, вышла неувязка, когда оглашались показания о недавних встречах выезжавших в командировки в Европу тайных членов «Промпартии» с деятелем «Торгпрома» Рябушинским и стало известно, что этот видный российский промышленник умер в Париже еще в 1924 году. Но тогда из материалов дела имя Рябушинского просто убрали.

Это давняя тенденция российских спецслужб упорно искать почти за любым тайным союзом внутри страны руку иностранного центра или зарубежной разведки. И когда при Екатерине II Тайная канцелярия по делу кружка книгоиздателя Новикова долго пыталась увязать его с загадочными масонами-иллюминатами, якобы помогающими французским якобинцам истреблять монархов Европы. И когда позднее в царском Третьем отделении расследовали выстрел полубезумного одиночки Каракозова в царя в 1866 году, когда так уверовали в связи кружка ишутинцев с неким «Центром мировой революции» в Европе (так никогда и не объявившимся затем), что даже к сосланным в Сибирь на каторгу ишутинцам за тысячи километров не лень было посылать тайных агентов для выяснения обстоятельств существования такого единого центра заговорщиков. И в истории спецслужб СССР на одном из процессов против троцкистов обвиняемые под диктовку чекистского следствия в 30-х годах заявят, что тайно встретились с Троцким в номере гостиницы «Бристоль» в Копенгагене. А позднее выяснится, что этот отель в датской столице был, но снесен еще в 1917 году, когда Троцкий вместе с Лениным был главным организатором революции в России, а не изгнанником из СССР.

Здесь и дело «Трудовой крестьянской партии» (ТПК) под началом ученого-экономиста Кондратьева, в 1922 году в последний момент не выпущенного чекистами Дзержинского из Советской России, чтобы «приносил пользу советскому хозяйству». Здесь и дело «Союзного бюро меньшевиков» из бывших меньшевистских деятелей социал-демократии во главе с членом бывшей РСДРП Сухановым. Здесь и «Академическое дело», когда за хранение неразрешенных «антисоветских» исторических документов в октябре 1929 года арестованы академики-историки во главе с Платоновым и Тарле.

Из него позднее выделили «Дело военных» о группе служивших в РККА бывших царских офицеров-военспецов во главе с генералами Снесаревым и Свечиным (генералами царской армии, в РККА тогда генеральских званий не было), якобы мечтавших о реставрации в России монархии и связанных вместе с кружком в Академии наук с белоэмигрантскими центрами. Именно из этого «Военного дела» потянулись первые ниточки к самым верхам руководства РККА из числа бывшего царского офицерства, в частности к красным маршалам Тухачевскому и Егорову, но в 1930 году ГПУ сверху было приказано остановиться на уровне не занимавших в армии столь больших должностей Свечина со Снесаревым.

Полагают, что с верхушкой бывших военспецов из царского офицерства в ходе акции «Весна» в 1930–1931 годах расправились не случайно. Это были годы начала отвердения сталинской диктатуры, а Сталин с Гражданской войны такой публике не доверял, постоянно ждал от бывших царских или белых офицеров в Красной армии либо заговора с умыслом на военный переворот, либо измены в случае новой войны с заграницей, которая все еще оставалась вполне реальной. Уже к середине 20-х годов многочисленные красные командиры из бывшего еще царского офицерства понемногу оправившись от шока 1917–1920 годов, опять начав блокироваться и воссоздавать свою касту уже в условиях РККА. Возрождались полковые собрания и посиделки, традиции офицерских судов чести и товарищества однокашников по царским военным училищам, даже мода на дуэли возродилась. В эти традиции по примеру бывших гвардейцев и генштабистов из царской армии уже втягивалось и новое советское офицерство из рядовых слоев общества, взлетевшее на командные должности уже в Красной армии за время Гражданской войны. Кроме того, что советской власти никак это было не нужно с идейных позиций в ее рабоче-крестьянской армии, так еще это было чревато ностальгией по старой России, связями с бывшими белыми офицерами и вечной в России тягой элитной гвардии к дворцовым заговорам.

К тому же дело «Весна» стало в чистом виде репетицией будущих репрессий в Красной армии: здесь ликвидировали только выходцев из российского дореволюционного офицерства, десятки расстреляв и сотни посадив или выслав. Главная зачистка армии в 1937 году вырежет уже гораздо более широкий слой не вызывавших полного доверия Сталина высших офицеров РККА вполне пролетарского происхождения и выдвиженцев Красной армии времен Гражданской войны. Пока же в конце 20-х годов выбивали из командного состава РККА только самые подозрительные категории. Это в первую очередь те красные командиры, кто получил должности в РККА после показательного возвращения из эмиграции белого лагеря в начале 20-х годов, как арестованный по делу «Весна» в 1930 году ветеран Добровольческой армии и реэмигрант Гравицкий. А также те кадровые офицеры из военспецов, кто в Гражданскую войну по принуждению или за идею сражался на командных должностях в Красной армии без вступления на путь откровенного большевизма. Таких, кроме Свечина, в деле «Весна» олицетворял Ольдерогге, бывший полковник царской армии и ветеран еще Русско-японской войны, командовавший в Гражданскую Восточным фронтом Красной армии, его по итогам дела «Весна» расстреляли в числе других осужденных.

Дело «Весна» в нашей истории оказалось в тени полузабытья, затертое более поздними и более массовыми репрессиями 1937 года в РККА, хотя и по нему были арестованы сотни и расстреляны десятки командиров РККА с прошлым царских офицеров. Историки к делу

«Весна» нечасто возвращались даже в самые разоблачительные 80 – 90-е годы, как полагают, потому, что они не были в чистом виде безмотивными репрессиями ГПУ для устрашения, а базировались на достоверных агентурных сведениях об антисоветском настрое фигурантов этого дела. Это действительно так, кое-кто из арестованных в ходе дела «Весна» и вправду далеко заходил в критике новой власти или был замечен в контактах с белым лагерем, в чем был уличен следствием или сознался сам, хотя тогда следственные методы ГПУ еще не были так brutальны, как семью годами позднее. Но даже здесь размах репрессий говорит о продуманной кампании ГПУ для устрашения и ее несоразмерности по масштабам репрессий реальной ситуации. Ведь кроме сознавшихся в планах связаться с белыми эмигрантами по делу «Весна» арестовывали и осуждали и таких, как бывший белый офицер и красный командир курсов «Вымпел» Козерский, признавший свою вину на следствии в распевании после полковой попойки царского гимна «Боже, царя храни!».

Кроме громкого дела «Весна», в конце 20-х годов в разработке ГПУ было и менее известное дело «Генштабисты», когда разрабатывали многочисленных в Генштабе РККА царских или бывших белых офицеров. Тогда больших арестов среди генштабистов не было, но из этого дела тянутся многие ниточки компромата на Тухачевского, Корка, Егорова, Вацетиса и других расстрелянных в конце 30-х высших командиров Красной армии. Параллельно с «Весной» и «Генштабистами» волна арестов прошла и в штабе ВМФ, брали опять офицеров бывшего царского флота. В 1927 году были арестованы и менее заметные командиры РККА среднего звена, которых ГПУ обвинило в связях с английским разведчиком из МИ-6 Чарноком.

В качестве подруг одного из арестованных красных командиров в первый раз под арестом советской госбезопасности оказалась и молодая актриса Зоя Федорова, которой предстоит пережить сталинские лагеря позднее. Тогда еще 20-летняя бухгалтер Госстраха Зоя Федорова оказалась в следственном изоляторе ГПУ из-за своего увлечения фокстротом; посещая полулегальные вечеринки с танцами, она и познакомилась с молодым красным командиром по фамилии Прове, который в 1927 году оказался одним из обвиненных в шпионаже в пользу англичан и связях с Билли Чарноком. В архивном деле остался и ордер на арест Зои Алексеевны Федоровой, проведенный сотрудником ГПУ Тереховым, этот ордер № 7799 лично подписал зампред ГПУ Ягода. Остались и протоколы допросов Федоровой на Лубянке следователем ГПУ Вунштейном, из которых видно, что молоденькую любительницу потанцевать привязать к шпионажу в пользу Англии никак не удавалось, отчего она в ноябре 1927 года была выпущена за недоказанность ее вины. Хотя этот оперативный материал на Федорову в госбезопасности остался, а в 1946 году был использован при вторичном аресте уже известной киноактрисы Федоровой за антисоветскую деятельность, что уже стоило ей долгого пребывания во Владимирской тюрьме.

Характерно для рубежного в этом плане 1930 года и еще одно громкое дело ГПУ, уже против другого скрытого врага – националистов в республиках СССР. Собственно, таких дел было несколько: по украинским «буржуазным националистам», в Белоруссии, в горских республиках Кавказа. Самым громким в этой череде стало дело группы Султан-Галиева из татарских и башкирских коммунистов, выступивших не подпольно, а открыто с идеей поднять до уровня союзных республик в СССР единую Кавказскую республику, Туранскую республику в Средней Азии, Казахскую республику (они на тот момент еще были автономными республиками в РСФСР) и Волжско-Уральскую республику местных тюркских народов. В ГПУ это так называемое «Татарское дело» рассматривали как явную крамолу и сепаратизм с исламским душком, по этому делу в Казани, Уфе, в Крыму арестованы сотни султан-галиевцев. Сам бывший пламенный большевик и помощник Троцкого по работе с мусульманами в РВС Султан-Галиев по этому делу осужден вместе с 20 своими сторонниками к расстрелу,

замененному ему затем десятью годами лагерей, в 1937 году при вторичном аресте его все же расстреляли.

Одновременно шли похожие процессы в союзных республиках. В Белорусской ССР шли аресты по делу «Союза освобождения Белоруссии», в Азербайджане – по делу «Азербайджанского национального центра», на Украине – по делу «Украинского центра», задевшие и местную советскую элиту. По делу украинских националистов из партии как раз и выгнан ветеран коллегии первой ВЧК Скрыпник, на тот момент зампреда Совнаркома Украинской ССР, когда он после долгих обвинений и объяснений застрелился в Харькове. Это опять же не раздутые из пустоты следственные дела, но начатые с реальных оппозиционных групп и доведенные в итоге до размашистых и отчасти превентивных репрессий ГПУ – тоже в чистом виде репетиция грядущей всевыжигающей в любом направлении зачистки 1937 года.

В 1930 году еще одно дело ГПУ зацепило и бывших российских анархистов, к ним по логике пришли сразу после бывших эсеров, кадетов и меньшевиков. К тому времени последние структуры российского анархизма, подобные «Кропоткинскому клубу», были уже в Советском Союзе запрещены. И многие бывшие столпы анархизма от безысходности ударились в средневековую мистику, взявшись тайно возрождать в Советской России союзы франкомасонов или розенкрейцеров с их мистической атрибутикой и специфическими идеями. Почему именно бывшие деятели анархии в Советской России ударились в масонскую и эзотерическую мистику, теперь трудно сказать, но это факт. Еще в 1924 году бывшие анархисты во главе с Солоновичем воссоздали в СССР тайное средневековое общество тамплиеров, к 1930 году ГПУ за счет своего тайного агента среди анархистов Шрейбера членов этого общества выявило и арестовало, лидеры советских тамплиеров получили по нескольку лет лагерей.

Еще в 1928 году ГПУ разгромлена родственная тамплиерам по духу тайная группа розенкрейцеров, также созданная бывшими видными анархистами Чеховским и Тегером, увлекшимися оккультными ритуалами средневековых тайных обществ. По этому делу Тегер с Чеховским отправлены в лагерь на Соловки, Чеховский здесь уже в 1929 году расстрелян за попытку побега. Многие члены этого ордена «Розы и креста» в 1929–1930 годах после недолгих арестов были выпущены, следствие ГПУ не нашло в оккультных изысканиях розенкрейцеров XX века умысла на борьбу с советской властью. Так был выпущен и их главный духовный гуру Белюстин, служивший переводчиком в советском Наркомате иностранных дел и распространявший слух, что он является очередным воплощением знаменитого мистика графа Сен-Жермена.

В делах Белюстина, Тегера и прочих розенкрейцеров из бывших анархистов осталась масса мистических документов и своеобразных признаний. Член этой организации Ракеева под следствием в конце 30-х годов признавала свое авторство письма Сталину от розенкрейцеров с угрозами и предсказаниями будущего советской власти, это письмо осталось в чекистских материалах дела. Там же есть упоминание, что под следствием Ракеева изготовила из хлеба в камере фигурки членов советского Политбюро и производила с ними какие-то таинственные манипуляции. Поскольку колдовство с глиняными фигурками монархов было частым обвинением «ведьмам» во времена средневековой инквизиции, то следствие НКВД в отношении розенкрейцеров служит хорошим аргументом для тех, кто полагает, что сталинские репрессии ввергли нашу страну из XX века буквально во тьму Средневековья.

Но вообще-то в этих делах мистиков из бывших анархистов ГПУ не слишком интересовали их экзотические оккультные взгляды, фигурки из хлеба и ритуалы поклонения Бафомету, чекистам было достаточно факта создания тайного (а значит, явно антисоветского) общества, да еще из бывших убежденных анархистов. Вот нелцеприятное анонимное письмо от них Сталину – совсем другое дело, здесь легко провести линию обвинения к

антисоветской деятельности и терроризму. И ликвидировали новоявленных розенкрейцеров с тамплиерами именно как тайные группы анархистов в той же волне процессов на рубеже 20-х и 30-х годов, и это тоже была репетиция будущих глобальных процессов против всех «бывших».

И почти везде это не полностью дутые дела. Такие тайные группы в виде дискуссионных клубов недовольных ученых-историков, военспецов из РККА, ударившихся в тоске по свободе в оккультный мистицизм анархистов, старых меньшевиков или поборников прав попавшего в 1929 году под «великий перелом» крестьянства действительно существовали. Только им опять же для показательности процессов 1929–1930 годов приплели обвинения в связи с заграничными меньшевиками – для «Союзного бюро меньшевиков», с эмигрантами-эсерами – для ТПК Кондратьева, с «Торгпромом» – для «Промпартии», с белым офицерством РОВС – для «Дела военных». Одновременно все эти группы попытались увязать между собой, поскольку многие их лидеры были знакомы, так вырисовывалась картина объемного заговора, охватывающего многие сферы советского общества.

Сталин после известий об этих арестах, а все они произошли в течение года, писал своему соратнику Молотову: необходимо искать связи всех этих групп между собой, а также с троцкистами и с «правым уклоном» в верхах партии, а «Громана, Кондратьева и пару-другую из этих мерзавцев обязательно нужно расстрелять», – уже к 1930 году власть не скрывала, что на показательных процессах приговоры будет предрешать она, а суд только формально зачитывать их.

Репетиции будущих ударов по интеллигенции, кроме высылки не принявших новой власти писателей и ученых 1922 года, шли все 20-е годы. Начиная со знаменитого ареста и высылки чекистами видных деятелей «Помгола» (Комитета помощи голодающим в Поволжье), посмеявших без высшего одобрения партии и советской власти собраться для попытки помочь голодающему населению целых губерний. Деятели «Помгола» с достаточно известными среди российской интеллигенции именами (Прокопович, Осоргин, Кускова и др.) после арестов и допросов разбросаны чекистами по ссылкам с запретом жить в столице. Между интеллигенцией, даже принявшей поначалу революцию и советскую власть, и самой этой властью уже с начала 20-х годов начинала вырастать идейная пропасть и вставать стена политического сыска в лице ГПУ. Так, арестованному тогда в числе главных помголовцев председателю Союза журналистов Осоргину сотрудник ГПУ на допросе задал стандартный для 20-х годов вопрос: «Ваше отношение к советской власти?» На что получил от Осоргина ответ: «Я к ней отношусь со все большим удивлением, поскольку революционная буря опять вырождается во что-то полицейское в виде ГПУ».

Тот же 1922 год памятен в истории ГПУ еще и тем, что по его инициативе закрыто «Общество помощи политическим заключенным», созданное бывшей супругой писателя Горького Екатериной Пешковой. Взамен с разрешения Дзержинского Пешковой позволили затем открыть эту же общественную организацию под названием «Помполит», которая уже практически лишена была какого-либо веса, и лишь сама Пешкова продолжала досаждать прошениями об очередном политическом арестанте Дзержинскому, а позднее Ягоде. В 1938 году даже это символическое общественное объединение закрыли наглухо, поскольку политических заключенных СССР вообще перестал за собой признавать, косяками пошли одни «враги народа».

1929 год – так называемый год «великого перелома», когда на излом принудительной коллективизации было взято крестьянство по всему Советскому Союзу, – сопровождался массовыми репрессиями против «кулаков» и любых несогласных с политикой колхозов. И здесь деятельное участие в репрессиях к недовольным и массовым высылкам кулацких семей на смерть в холода приняло ГПУ. От спецслужбы в главной комиссии по раскулачиванию СССР заседали тогда заместители председателя ГПУ Ягода и Евдокимов. Роль спец-

службы здесь была не главной, основную нагрузку возлагали в коллективизации на партийные органы. ГПУ обязывали помогать выявлением явных противников «великого перелома» и их репрессиями.

Одно из таких дел ГПУ в эпоху «великого перелома» сейчас достаточно известно. В 1932 году в уральской глухой деревушке Герасимовка был зарезан юный пионер Павлик Морозов, с подачи лично Сталина вскоре раскрученный советской пропагандой как главный пример детворе, как пострадавший за разоблачение в суде отца-кулака от других несознательных родственников. Сейчас легенда о Павлике Морозове поистерлась и потускнела, только специалисты помнят, что обстоятельства и мотивы его убийства туманны. Что осужденные за него люди, вероятно, просто «назначены» следствием Свердловского ГПУ в убийцы с политическим мотивом, а значит, и сам несчастный подросток ни на кого не доносил, а незаслуженно припечатан в истории каиновым клеймом «предателя родного отца». Материалы следствия ГПУ из 1932 года наводят на мысли, что показания арестованных подгонялись под уже озвученную на всю страну версию «мести кулаков храброму пионеру». Что двое родственников Павла Морозова расстреляны в итоге без особых оснований, а его восьмидесятилетние дед и бабушка еще до приговора умерли в тюрьме под следствием в результате тех же специфических методов расследования. Ведь даже на процессе октября 1932 года по этому делу вместе с расстрельными приговорами суд признал применение следователем ГПУ Титовым в этом расследовании фальсификации доказательств и побоев подследственных, вынеся частное определение о привлечении к суду за это самого чекиста Титова. Хотя на участь расстрелянных «убийц» Павлика – его родственников Арсения Кулаканова и Данилы Морозова – это никак не повлияло. Это громкое дело – один из примеров участия ГПУ в «великом переломе».

А также ГПУ должно было вмешиваться вместе с частями регулярной РККА там, где на этом фоне происходили откровенные крестьянские восстания. Это в 1929–1930 годах случилось на Дону, в Рязанской губернии, в Бурятии. В 1929 году крупное восстание крестьян против коллективизации подавлено в Аджарской автономии, подавлением лично руководили глава Аджарского ГПУ Киладзе и руководивший тогда всем ГПУ по Закавказью Лаврентий Берия, будущий шеф союзного НКВД. В это же время крупное восстание крестьян под началом Ахундова подавлено в Азербайджане, здесь действиями войск ГПУ руководил начальник Азербайджанского ГПУ Фриновский, в будущем правая рука наркома НКВД Ежова в годы ежовщины.

После воспетого советской пропагандистской машиной «великого перелома» российской жизни наступили в ряде областей СССР еще и голодные годы, стоившие нашему крестьянству еще не одного миллиона жизней. Считается, что тогда кроме сбоя в сельском хозяйстве за счет пресловутого «перелома» действительно сказался еще и неурожай 1930–1931 годов. Но сейчас все больше историков главной причиной этого голодомора в больших областях Украины, Северного Кавказа, Дона, Поволжья, Северного Казахстана, Урала, Дальнего Востока считают установки власти на изъятие хлеба на экспорт, приравнивая итоги этого большого советского голода к геноциду советской властью собственного населения, когда миллионами жертв голода оплатили сталинскую индустриализацию промышленности. В этой страшной эпопее у ГПУ тоже была своя главная функция, поскольку к размашистым репрессиям, как и при сплошной коллективизации, госбезопасности прибегать не пришлось за отсутствием массовых выступлений против власти и здесь, народ уже был надломлен и затерроризирован за более чем десять лет советской власти.

На ГПУ кроме ликвидации небольших очагов сопротивления и выявления недовольных в качестве главной задачи возлагалось создание кордонов от проникновения сельского населения из голодных областей в большие города и в не затронутые голодом регионы страны, своеобразная информационная блокада голодных краев. Из Политбюро и с Лубянки

начальнику ГПУ Украинской ССР Всеволоду Балицкому прямо приказали изолировать некоторые украинские области, не пропуская в Белоруссию и РСФСР самих голодающих и массовые слухи о жертвах голода. Именно благодаря этой информационной блокаде об ужасах голодомора на Украине в мире знали долгое время только часть правды от украинских эмигрантов и свидетельств под немецкой оккупацией Украины 1941–1943 годов, а весь жуткий масштаб голода 1930–1932 годов в российских областях мы узнаем только сейчас. Это тоже стало репетицией для советских спецслужб, кордон для распространения информации в закрытой стране, пусть и относительно условный, совсем пресечь страшную правду и не менее страшные слухи было не под силу даже отобилизованной и отлаженной машине все-союзного ГПУ. Крестьяне все равно просачивались в города в поисках спасения, да и кордон начали ставить уже после начала такой голодной миграции. Но это тоже мостик для спецслужб от большого голода к Большому террору несколькими годами позднее.

ГПУ против церкви

Это тоже была первая репетиция, вернее, начало большой расправы с православной церковью в России, пик которой пришелся опять же на 30-е годы, от этого удара Русская православная церковь не оправилась до сих пор. И первый сильный удар по церкви и ее позициям в России пришелся на середину 20-х годов, когда ГПУ объявило практически официальную кампанию террора против церкви. Да и практически до конца 20-х годов чекисты относились к церкви исключительно как к враждебному их власти институту, руководствуясь богоборческими лозунгами большевиков: «Мы свергнем царей небесных, как свергли царей земных».

Старт откровенным репрессиям против церкви был дан еще в ходе Гражданской войны. Когда, например, начальник Секретно-политического отдела ГПУ Тимофей Самсонов, богоборец и бывший анархист, написал на имя Дзержинского докладную в виде проекта окончательно за несколько лет уничтожить в Советской России православную и любую другую религию путем прямого изничтожения духовенства разных конфессий в целом. Затем столь откровенно кровавый план скорректировали по срокам и по методам исполнения, приступив к удушению церковью постепенно.

В середине 20-х годов отношение советской власти к церкви стало непримиримо агрессивным. «Христиане – враги большевиков» – это слова еще не самого ортодоксального и кровавого члена ленинского правительства Луначарского, среди чекистов было множество еще более агрессивно настроенных против церкви людей. Тогда на заметку ГПУ с печальными для него последствиями мог попасть даже не ревностный поборник веры, а тот, кто, например, праздновал Рождество или Новый год и ставил дома рождественскую ель. Еще одна мощная кампания против церкви была проведена уже в 30-х годах, кульминацией которой стало символическое разрушение храма Христа Спасителя в Москве. Православная церковь в России в своем дореволюционном виде была практически добита, да к тому же подорвана не без участия госбезопасности изнутри политикой сергианства по имени соглашавшегося с советской властью и во всем ей послушного патриарха Сергия.

После первых силовых акций чекистов против православной церкви 1918–1919 годов церковное руководство в лице патриарха Тихона практически смирилось и отказалось от борьбы против советской власти даже на уровне проповедей. В сентябре 1919 года Тихон даже выпустил официальное обращение «О прекращении духовенством борьбы с большевиками» и ни разу затем не выступил в поддержку Белого движения (как раз выступавшего в большей части под знаменами православной веры), надеясь хотя бы на встречный нейтралитет со стороны власти Ленина. В ответ на миролюбивую инициативу Тихона и попытку как-то ужиться с новой властью церковь получила в 20-х годах от Советов массовые гонения и спланированную кампанию террора против нее непосредственно со стороны советской спецслужбы ГПУ.

Православная церковь в России и раньше вступала в непростые отношения с верховной властью в стране и ее системой тайных служб. Был страшный раскол при Никоне, была и отмена Петром I патриаршества, и прямой петровский приказ предавать тайну исповеди в случае дела о политическом преступлении, и вербовки священников в агенты, много чего было в непростой истории церкви в Российской империи. Но никогда романовский тайный сыск не организовывал лобовой атаки на церковь, не громил храмы, сдирая позолоту с куполов для продажи за границу, и ни в какой Тайной канцелярии, Третьем отделении или охранном отделении не додумались бы создать в структуре спецотдел по работе против церкви.

В ГПУ при Дзержинском такое подразделение появилось, оно именовалось 6-м отделением Секретного отдела, и возглавлять его Феликс Эдмундович доверил ветерану ЧК Евге-

нию Тучкову, прошедшему школу «красного террора» на фронтах Гражданской и руководившему кровавым подавлением Мензелинского восстания крестьян на Волге. Собственно, этот отдел Тучкова ведал кроме православия и работой против служителей других культов, поскольку мусульманское, иудейское, буддистское, католическое духовенство в те же годы подверглось столь же безжалостному давлению ГПУ.

Именно этот отдел ведал арестами священников, дискредитацией высшего руководства церкви, разгромом христианских храмов, репрессиями против пытавшихся защитить церкви и священников прихожан. После первых массовых расправ при участии чекистов над верующими в Шуе на Вологодчине в 1921 году, где при разгроме церкви было убито четверо прихожан и десятки ранены или арестованы затем ЧК, в начале 20-х по стране прокатилась волна таких осквернений храмов и убийств противостоящих погромам жителей.

Тучков, помимо постоянных допросов арестованных священников, курировал и проект ГПУ по созданию альтернативной «обновленческой церкви», союзной большевистской власти, – своего рода коммунистического суррогата православия, это тоже была большая операция чекистов. Патриарх Тихон за свои выступления против обновленцев и гонений на церковь несколько раз арестовывался. Особенно яростно чекисты из отдела Тучкова требовали от Тихона и подконтрольной ему церкви в Советской России открытого разрыва с созданной эмигрировавшим духовенством Русской православной церковью зарубежья, организованной в 1921 году на первом ее соборе в югославском городе Сремски-Карловцы. Биограф патриарха Тихона М.И. Вострышев описал этот арест в мае 1922 года, когда чекисты увезли патриарха из Троицкого подворья, заключив его под арест на территории Донского монастыря, где вскоре они оборудуют места для тайных расстрелов своих заключенных. Именно здесь от Тихона потребовали осуждения собора «заграничников» и полного отказа от связей с ними, причем чекисты держали себя с главой православной церкви очень развязно, а ставший здесь его главным тюремщиком чекист Рыбкин снисходительно похлопывал Тихона по плечу и издевательски называл его «сеньором». В надежде на сохранение хоть каких-то послаблений для своей паствы Тихон и здесь пошел на компромисс, заявив о разрыве Московского патриархата с Зарубежной церковью, после этого его выпустили.

Последний раз Тучков выпустил его из внутренней тюрьмы на Лубянке лишь после подписания очередного покаяния перед советской властью, в котором Тихон сдавался перед обновленцами. Выйдя из тюрьмы, Тихон вновь попытался возвысить свой голос в защиту церкви. И к нему, уже смертельно больному, в палату приезжал Тучков с решением об очередном аресте патриарха, которого Тучков во всех документах принципиально именовал «гражданином Белавиным» без уважения к сану патриарха и его церковному имени. Но в 1925 году Тихон из этой больничной палаты уже не вышел, умерев своей смертью и избежав тем очевидно надвигавшейся расправы с ним ГПУ. Пришедший ему на смену патриарх Сергей полностью стал подконтролен новой власти, вызвав тем уход многих истинных верующих в нелегальную «катакомбную» церковь в России. Наследие сергианства наша православная церковь переживает до сих пор, и в плане восстановления своих позиций в обществе, и в попытках преодолеть раскол с зарубежниками и катакомбниками, продолжающихся и сегодня, в XXI веке.

На то же время пришлось роковые годы в России для многих иных конфессий. Так, в 1923 году нанесен удар по российским католикам, которых после выхода из России Польши и стран Балтии осталось в стране не так уж много. Уже Новый 1923 год многие католические священники встретили под арестом ГПУ, а их храмы были опечатаны, советская власть тогда объяснила это необходимостью изъятия ценностей из католических храмов в помощь голодающему Поволжью. В том числе был арестован и глава российских католиков архиепископ Иоанн Цепляк, его осудили за контрреволюционную агитацию к десяти годам тюрьмы и лишь после яростных протестов из Европы выслали за пределы Советской России. Менее

известные католические священники в 1923 году стали жертвой чекистского террора, как расстрелянный в марте того года во внутренней тюрьме на Лубянке прелат Буткевич. Также в 1927 году после протестов за рубежом ГПУ вынуждено было освободить и выпустить из Союза арестованного главу иудеев-хасидов раввина Шнеерсона, за католиков и иудаистов хотя бы было кому заступаться на Западе, чего не хватало в неравном противостоянии ГПУ оппозиционно настроенной части православного духовенства. В годы больших репрессий Сталина в конце 30-х остатки католической церкви в Советском Союзе были добиты, а священники рассажены по лагерям ГУЛАГа.

После 1925 года православная церковь была в России надломлена, обновленческий проект сыграл свою роль, и в итоге православие было отделено от государства и по полной программе поставлено под контроль советских спецслужб. Очень большую роль в этом сыграло то самое 6-е отделение ГПУ и лично его начальник Тучков, переживший затем и сталинские чистки в НКВД и до своей смерти от рака в конце 50-х годов возглавлявший какой-то комитет атеистов в Советском Союзе.

Считается, что с начала 40-х годов репрессии советских спецслужб против православной церкви и других конфессий в СССР в духе некоего указания Сталина были остановлены, по крайней мере заметно смягчены. Хотя до конца дней Советского Союза эти отношения были непростыми. Да и удар 20 – 30-х годов уже так подорвал позиции церкви, так она была ограблена и так было подорвано ее положение в обществе, что особенно давить на нее теперь уже не было необходимости. Все мы помним, что до конца 80-х ни одна из существующих в СССР конфессий серьезной политической опасности для советской власти не представляла.

Репетиция «странных смертей»

Напоследок нельзя не сказать еще об одной репетиции 20-х годов, в которой до сих пор подозревают ГПУ, хотя в каждом конкретном случае по-настоящему доказать что-то довольно сложно. Речь идет о подозрениях в адрес советских чекистов в тайных ликвидациих неугодных власти лиц, замаскированных под несчастные случаи, самоубийства или естественную смерть. В советской истории затем не раз будет повторяться этот рефрен, когда внезапную (часто очень своевременную для верховной власти или, возможно, выгодную ей) смерть известного человека будут объяснять результатом спецоперации органов ЧК – КГБ: Киров, Слуцкий, Камо, Горький, Жданов, Есенин, Галич, Машеров и так далее – здесь список очень большой.

В подобных странных смертях 20-х годов советской эпохи тоже много недоказанных моментов, не позволяющих в каждом случае напрямую обвинять ГПУ. Чтобы не углубляться по каждому такому случаю в детальное и долгое расследование, а им сейчас посвящены многие увесистые книги, отметим лишь, что версии о причастности спецслужб Советского Союза к ним появились тогда не на пустом месте. А потому они так стойки в нашей истории и в народном мнении уже почти век. В отдельных случаях вина ГПУ кажется очень зримой, в других – притянутой слухами и мрачно-таинственным имиджем самих спецслужб. Обижаться здесь ветеранам органов ЧК – КГБ и их адвокатам в истории не на что: такой имидж своей службе они творили сами, а доказанные историей и документами факты тайных ликвидаций наводят на мысль: «А почему бы здесь не могли?» – это же естественно.

Чекисты разных поколений негодуют по поводу мрачной байки, ходившей в советском обществе, что голову расстрелянного в Екатеринбурге последнего царя из Романовых ЧК тайно доставила в Москву, а Ленин (в другой версии – Свердлов) якобы хранил ее для своего удовольствия в личном сейфе. Эта версия была действительно ложной и довольно нелепой, но за ее появление ЧК может «благодарить» только собственный имидж. Если питерские чекисты так же для устрашения выставляли на обозрение заспиртованную голову убитого ими бандита Леньки Пантелеева, если втайне привезли в Москву череп Гитлера – чему удивляться, что такие версии об отрезанной голове последнего царя ходят в простом народе. Если глава ЧК – ГПУ Дзержинский действительно, а не по легенде не стеснялся разъезжать по Москве на автомобиле покойного великого князя Михаила Романова, тайно убитого под видом похищения его же «ребятами в кожанках» в Перми. Если сам Ленин катался в «роллс-ройсе» бывшего императора Николая II – что же удивительного, что молва от приватизированного у своей жертвы чекистами авто перебросила мостик к дикой версии о голове бывшего императора в сейфе нового вождя страны. И в отдельных «странных смертях» 20-х годов подозрения в адрес советских спецслужб вполне оправданны, особенно с высоты нашего сейчас знания о подобных акциях: о тайной лаборатории ядов, о ледорубе в голове Троцкого, об уколе «болгарским зонтиком», об участии шведского дипломата Валленберга в СССР и так далее.

Одной из наиболее известных среди таких историй следует признать странное самоубийство поэта Сергея Есенина, якобы повесившегося в 1925 году в занимаемом им номере ленинградской гостиницы «Англетер» на почве депрессии, творческого кризиса и проблем со спиртным. Споры вокруг смерти Есенина предостаточно и сейчас, как и тех людей, даже среди серьезных историков, кто уверен в организации ГПУ тайной ликвидации давно неугодного советской власти и слишком свободолюбивого поэта. Есенин давно раздражал власть, отказывался признать себя большевистским поэтом, утверждал, что он «левее большевиков» и дружен с эсерами. Само ГПУ Есенин должен был раздражать еще больше своим поведением и творчеством, один образ «Чекистова-Лейбмана» в его поэме «Страна него-

дьяв» чего стоит, да еще и с антисемитским намеком на еврейское происхождение многих руководителей ЧК – ГПУ.

Среди предполагаемых убийц Есенина чаще всего называют небезызвестного чекиста Блюмкина, уже бывшего главным героем запутанной истории с убийством посла Мирбаха в 1918 году. Именно «черного чекиста», как одно время звали Блюмкина в органах госбезопасности, иные исследователи жизни Есенина считают и тем самым аморфным «Черным человеком» из поздних депрессивных стихов Есенина за 1925 год и одноименной поэмы, которого так опасался поэт и который в итоге оказался его убийцей. Подозревают в ликвидации Есенина, кроме Блюмкина, также сотрудников Ленинградского управления ГПУ Князева, Цкирию, Петрова, включая замначальника Ленинградского ГПУ Леонова, а также начальника Ленинградского угрозыска Петржака. Реальную картину произошедшего тогда в гостинице «Англетер» сейчас установить вряд ли удастся. Все перечисленные чекисты в 30-х годах уничтожены своими же товарищами как тайные троцкисты, унеся с собой многие тайны в могилу.

Периодически интерес к загадочной гибели русского поэта дает очередные всплески расследований. Так, еще в конце 80-х годов милицейский полковник из МУРа по фамилии Хлысталов по собственной инициативе проводил отдельное частное расследование обстоятельств смерти Есенина и тоже пришел к выводу, что под самоубийство была инсценирована ликвидация поэта сотрудниками ГПУ. После настойчивых запросов инициативного милиционера Хлысталова Бюро главной судебно-медицинской экспертизы при Минздраве РФ проводило в 1992 году повторную экспертизу по посмертным снимкам и маске с мертвого Есенина, вторично отвергнув версию Хлысталова об убийстве. Вмятину на лбу покойного поэта эксперты назвали следом от термического ожога горячей трубой в момент самоповешения, еще раз подчеркнув однозначно – 28 декабря 1925 года в номере гостиницы «Англетер» Есенин сам покончил с собой.

Сама гостиница «Англетер», переименованная в то время в «Интернационал», в которой обнаружили труп Есенина, действительно была тогда ведомственным учреждением Ленинградского горотдела ГПУ. И вызвавший к трупу милицию ее директор Назаров был ранее кадровым чекистом, к тому же вскоре после этих событий Назаров при не вполне ясных обстоятельствах и мотивах сам покончил с собой, выбросившись из окна. И на фотографиях тела покойного многие замечают следы прижизненного насилия. Чаще всего в качестве заказчика ликвидации Есенина называют Троцкого, имевшего тогда вполне мощное лобби своих сторонников в ГПУ, а особенно в Ленинградском его управлении. Поэтому исполнителями и считают чекистов-троцкистов, как ленинградских, так и якобы прибывших под началом Блюмкина для проведения операции из столицы – Блюмкин был тогда самым надежным соратником Троцкого в центральном аппарате ГПУ. Блюмкин действительно был близок к Есенину, одно время необузданного поэта и столь же непредсказуемого чекиста даже можно было назвать друзьями, по крайней мере до их ссоры в Баку, вылившейся в драку знаменитого поэта со знаменитым по-своему чекистом. Они близко сошлись еще во время вылазки Красной армии в персидский порт Энзели в Гражданскую войну, где Блюмкин руководил действиями ЧК по созданию коммунистического подполья из персов, а Есенин отправился с красными войсками за впечатлениями, как Пушкин когда-то за царской армией в поход на Эрзерум. Здесь Есенин с Блюмкиным подружились, и книжку навеянных этой экспедицией своих стихов «Персидские мотивы» Есенин официально посвятил чекисту Блюмкину, с которым затем в Москве часто встречался и выпивал.

Официально смерть Есенина до сих пор считается самоубийством, прокуратуры и СССР, и позднее РФ отказывали возбуждать новое дело по поводу подзабытых событий почти вековой давности. Тогда же, в 1925 году, дело о смерти Есенина у милиции быстро забрали для расследования в ГПУ, застолбив в итоге на десятилетия вперед эту официаль-

ную версию о самоубийстве поэта на почве пьянства, психического расстройства и глубокой депрессии, а опровергнуть этот вердикт теперь будет сложно за давностью лет.

То же и с делом красного полководца Фрунзе, якобы умышленно убитого в том же 1925 году под видом хирургической операции (то ли излишней дозой хлороформа, то ли просто зарезанного на операционном столе), на которую сам герой Гражданской войны согласился только под давлением верховной власти. Здесь, в отличие от примера с Есениным, рука ГПУ проглядывается не так явно, как и мотив такой тайной ликвидации: так ли уж опасен был красный командир Фрунзе в 1925 году для власти Сталина, как это доказывают сторонники версии об убийстве на хирургическом столе? Даже с учетом каких-то неясных слухов о тайных контактах Фрунзе со сторонниками Троцкого в командном составе Красной армии – в те годы половина видных большевиков либо высказывала троцкизму симпатии, либо колебалась и перебегала из лагеря в лагерь. Когда говорят о вероятной ликвидации Фрунзе под видом хирургической операции со стороны ГПУ по приказу Сталина, то часто упоминают в качестве доказательства факт, что за год до этого нарком Фрунзе на ходу вывалился из собственного служебного автомобиля, сильно покалечившись. Хотя никакая связь здесь не прослеживается: наверное, если бы Фрунзе и тогда пытались убить, выталкивая из машины, но не довели замысел до конца, он сам бы об этом знал и утаить такое было бы нереально.

В том же 1925 году, за несколько месяцев до гибели при операции военного наркома Фрунзе, при не проясненных до конца обстоятельствах застрелен легендарный красный комбриг Григорий Котовский. Официально Котовского в ходе бытовой ссоры застрелил его бывший подчиненный и ординарец Меир Зайдер, немедленно арестованный на месте преступления и в нем признавшийся. Но сторонники теории тайных убийств полагают, что сверхпопулярного тогда в Красной армии Котовского, как и его непосредственного начальника в Наркомате обороны Фрунзе, ликвидировали спецоперацией ГПУ по заказу власти Сталина. Эта версия укладывается в готовую схему той реальности, что с 1925 года Сталин отказался от многих ленинских принципов, включая раздувание мировой революции, а в мирном СССР ему якобы мешали особо популярные и малоуправляемые красные командиры партизанской закалки.

Кроме странных и овечьих слухами смертей военного наркома Фрунзе и харизматичного красного полководца Котовского, в эту же теорию ликвидаций неугодных лиц в РККА втискивают иногда еще и гибель в авиакатастрофе близкого к Фрунзе советского военачальника Триандафилова. Царский полковник Владимир Триандафилов добровольно пошел в Красную армию еще в 1918 году и всю Гражданскую войну в штабе РККА был одним из самых главных стратегов, именно он разрабатывал большинство удачных операций Фрунзе на Восточном фронте против Колчака, в Средней Азии и позднее по ликвидации армии Врангеля в Крыму. В начале 20-х годов в СССР ставший военным наркомом Фрунзе приблизил к себе Триандафилова, часто называемого самым талантливым из царских военспецов в рядах РККА штабистом, назначив его в 1924 году начальником Оперативного отдела Генштаба РККА. Поэтому иногда выдвигают версию, что Триандафилова могли ликвидировать руками ГПУ как ближайшего соратника Фрунзе и как социально далекого царского офицера, к тому же с ним вроде бы очень конфликтовал со времен Гражданской войны красный полководец Тухачевский. Но это очень сомнительный довод, сам Тухачевский напрямую с таким поручением к ГПУ обратиться никак не мог, а Сталин таких военных профессионалов ценил, если не было подозрений в их неверности советской власти, как ценил позднее и уберег от репрессий столь же талантливого штабиста из царских военспецов Шапошникова. Да и разбился в самолете Триандафилов уже в 1931 году, намного позже смерти на больничном ложе Фрунзе и убийства Котовского, с ним разбился и очень ценный для РККА другой военачальник Калиновский – основатель первых танковых войск в РККА, такими специалистами советская власть тогда не разбрасывалась.

Как и в массе подобных им «странных смертей» довоенной эпохи Советского Союза: самоубийстве Маяковского, смерти профессора Бехтерева, самоубийстве супруги Сталина Надежды Аллилуевой, гибели в автокатастрофе главного ленинского террориста-экспроприатора Камо, смерти во время операции видного большевика Ногина, самоубийстве наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе или уходе из жизни вдовы Ленина Надежды Крупской, якобы скоропостижно скончавшейся в 1939 году, отведав присланного ей от Сталина из Кремля праздничного торта. Это обычное дело, в такие напряженные моменты истории с борьбой во власти любыми методами спецслужбы разных стран начинают подозревать в организации тайного убийства при любой внезапной смерти задествованного в большой политике человека.

Вот бывший заместитель Троцкого по руководству Красной армией и его верный соратник Эфраим Склянский в 1925 году тонет в момент прогулки на лодке по озеру. А это годы разгара кампании сторонников Сталина в партии и правительстве против Троцкого – сразу у многих любителей «конспирологических версий» готово объяснение: ликвидировали чекисты по приказу сталинской власти. И сторонников версии не смущает даже то, что утонул Склянский во время своей командировки по линии внешней торговли в США, тогда как чекистам гораздо легче и безопаснее было бы организовывать этому видному троцкисту «несчастный случай» на своей территории. Да и при изучении обстоятельств гибели Склянского сразу заметно: утонул он на озере около Нью-Йорка, катаясь на лодке не один, с ним вместе ушел на дно и взявшийся лично покатать высокого гостя из Москвы советский торгпред в США Хургин. Да и перевернулась их лодка на глазах множества свидетелей из числа американских граждан и сопровождавших их сотрудников советского посольства.

Но сторонников версии о тайной ликвидации Склянского такими доводами не убедишь. В написанной в подобном духе книге «Тайны Сталина» (М., 2005, под редакцией В.В. Веденеева) даже расписана подробная картина заговора с участием ГПУ по коварному утоплению Склянского. Сначала Сталин направляет опасного ему троцкиста с заданием инспектировать общество «Амторг» в США, затем почему-то не лично, а через своего секретаря Мехлиса намекает на необходимость несчастного случая зампреду ГПУ Ягоде, затем уже в лоб спрашивает Ягоду: «Что думаешь делать со Склянским?» После этого Ягода организует операцию, в США командируют сотрудника ГПУ Каннера, и тот исполняет ликвидацию Склянского вместе с оказавшимся с ним «не в той лодке не в то время» торгпредом Хургиным. А после возвращения чекиста после задания в Москву любопытный Мехлис зачем-то прямодушно спрашивает Каннера: «Гриша, это ты утопил Склянского?» – получая заговорщический ответ: «Есть вещи, которые лучше не знать».

Все это очень интересно читать, и написано столь серьезно, словно составители сборника сенсаций «Тайны Сталина» лично при всех этих странных диалогах присутствовали, хотя абсолютно ничего из этого документально не подкреплено. Один из главных любителей таких версий в нашей истории Суворов (Резун), перебежчик из советских спецслужб, даже угадывает детали ликвидации: «Утащили из-под воды за ноги», – очевидно, диверсанты-водолазы из ГПУ. Сразу вспомнилось, что в конце 70-х годов при подобных обстоятельствах падения с лодки на рыбалке едва не утонул многолетний глава брежневского Совета министров СССР Косыгин. Но чекисты из девятого управления КГБ (охраны руководства страны) не потащили его под воду за ноги, а, напротив, спасли ему жизнь, вытащив из воды. А если бы не успели и Косыгин утонул, что тогда? Какая была бы сразу готова версия у увлекающихся конспирологией исследователей о том, кто ему «помог»? Ведь глава КГБ Андропов Косыгина недолго любил и имел с ним различные взгляды на дальнейшее развитие социализма в стране.

Едва ли за любым из названных случаев из 20–30-х годов нужно углядывать «руку зловещей ЧК». Например, очень сомнительна версия отравления посланным прямо от Сталина

тортом не игравшей уже никакой роли (кроме почетной роли ленинской вдовы) в политике СССР Надежды Константиновны Крупской, как бы Сталин первую вдову СССР ни ненавидел и пусть он даже называл ее в сердцах неделикатно «макакой». Сомнительна и ликвидация ГПУ советского профессора Владимира Бехтерева в декабре 1927 года, по устойчивой легенде отравленного чекистами в буфете Большого театра в антракте представления. Здесь не вызывает большого доверия и мотив, по которому ГПУ могло бы понадобиться тайно убирать известного ученого с мировым именем: тот якобы получил доступ к медицинским картам Сталина, выявил у генсека параноидальную шизофрению и собирался то ли разгласить эти сведения, то ли передать их в руки антисталинской оппозиции. Не очень понятно, как столь охраняемые сведения могли уплыть за стены Кремля на сторону и как в ГПУ узнали бы о решении Бехтерева предать их огласке, если ни с кем до своей кончины он ими поделиться так и не успел.

Так же сомнительно обвинение Сталина или Берии, возглавлявшего в начале 20-х годов ГПУ в Грузии, в гибели в авиакатастрофе заместителя главы Закавказской союзной республики Александра Мясникова. Самолет немецкого производства «юнкерс» рухнул в 1925 году на подлете к аэропорту Дидуби, когда у него загорелся в воздухе двигатель, с Мясниковым погиб и начальник Закавказского ГПУ Могилевский, а также известный в Гражданскую войну руководитель ЧК Атарбеков. Здесь никакие обстоятельства этой обычной катастрофы еще не самой надежной авиатехники не наводят на подозрения в организованной диверсии, но периодически опять вспоминают о руке Сталина или Берии. В том же 1925 году от внезапного инфаркта умирает уехавший лечиться на итальянский курорт под Генуей Юлиан Мархлевский – глава польских коммунистов и один из лидеров Коминтерна, а попутно заместитель Дзержинского в ВСНХ. Если подозревать ГПУ и в этой внезапной смерти советского руководителя, то разве в пределах СССР ее не легче было организовать, чем в зарубежной стране на спокойном курорте Нерви? Хотя нужно признать, что некоторые из таких внезапных смертей и заставляют своими обстоятельствами подозревать спецслужбы в причастности к ним даже в отсутствии твердых доказательств.

Наконец, посмертные слухи вокруг последних дней и даже месяцев жизни самого основателя Советского Союза Владимира Ильича Ленина тоже отчасти касаются деятельности службы Дзержинского. Впрямую наследников уже тяжелобольного вождя революции в его ликвидации почти никто не обвинял, даже с учетом каких-то упоминаний Сталина на Политбюро о просьбе мучающегося Ильича дать ему яд для добровольного ухода из жизни. Сталин тогда, после вынесения этого жуткого вопроса на решение партийного руководства, окруженному врачами и изолированному в Горках Ленину отказал, наиболее подозрительные исследователи намекают: не готовил ли Иосиф Виссарионович себе алиби на случай надобности ускорить уход из жизни своего знаменитого предшественника и побыстрее прибрать всю власть в СССР к рукам. Впервые на возможность тайного отравления Ленина в Горках ГПУ по указке Сталина или о том, что Владимира Ильича могли просто «залечить» неправильными лекарствами те же завербованные ГПУ врачи, намекал еще Троцкий после своего изгнания из СССР, были и позднее такие версии, хотя и не нашли никаких доказательств.

Гораздо больше всплывает доказательств того, что в последний год жизни Ленина кроме затяжной болезни от участия в руководстве страной почти умышленно изолировали его наследники, ссылаясь при этом на требования врачей и, разумеется, используя специфические ресурсы ГПУ. По крайней мере, эта тема проходила в воспоминаниях и Крупской, и ленинских секретарей. Мучившийся от политической изоляции Ленин будто бы дважды напрямую обращался к Дзержинскому с жалобами на это искусственное ограничение его свободы, но Дзержинский оба раза сообщал об этих просьбах Сталину, и кольцо изоляции вокруг уже обреченного пациента в Горках только еще крепче сжималось.

Исследователь советских спецслужб Юрий Фельштинский в свое время излагал версию, что даже все секретарши Ленина, которым он до последнего дня пытался что-то диктовать (Фотиева, Володичева, Гляссер и др.), были с 1922 года завербованы ГПУ и большую часть ленинских записок передавали через эту службу лично Сталину. Хотя Фельштинский и полагал, что здесь такой приказ Сталина выполнял зампред ГПУ Ягода, уже тогда явно ставший человеком Сталина в спецслужбе, возможно и без ведома колеблющегося еще между старым и новым вождями партии Дзержинского. Есть и более экстравагантные версии, что Дзержинский мог обеспечивать изоляцию Ленина и по просьбе Троцкого, с которым еще не разругался тогда вдрызг, или вообще по своей инициативе, чтобы избавить действительно больного вождя от возни пауков партийной власти вокруг него в надежде на выздоровление Ильича и возвращение его к полной деятельности. Хотя версии о блокировании Дзержинского с Троцким или о его самостоятельной игре в тот момент все же выглядят совсем натянутыми, слишком уж он потом был антитроцкистом и слишком пытался оградиться хотя бы лично от этой борьбы в партии. Скорее всего, Феликс Эдмундович все же принял уже тогда сторону Сталина и выполнил при изоляции больного Ленина его указание, ведь Сталин больше всех тогда настаивал на изоляции вчерашнего учителя, он уже был генеральным секретарем партии и становился первым лицом после Ленина почти автоматически.

Здесь речь конечно же не о тайной операции по ускорению смерти вождя Октябрьской революции, а лишь об ускорении его политической кончины, чтобы наследник скорее успел забрать на себя руль махины Советского Союза. Хотя в моральном плане ведомство Дзержинского, созданное именно по инициативе Ленина и всегда клявшееся в верности идеалам ленинизма, в этом случае все равно совершало определенное предательство, по крайней мере в моральном плане. Хотя здесь даже в случае истинности такой версии об искусственно запертом перед смертью в Горках Ленине не все так уж однозначно. И даже здесь нельзя было бы сказать: приспособленец Дзержинский из ГПУ быстро перестроился, выслуживался перед новым хозяином страны Сталиным, наябедничал тому о просьбах Ленина помочь и приказал своим людям удерживать того в Горках под любыми предлогами. Даже в этом случае Дзержинский, как верный солдат партии, мог честно исполнять волю партийного руководства в лице уже ленинских наследников во главе со Сталиным, да мог и верить их уверениям про просьбы кремлевских медиков дать пациенту полный покой для появления шансов на выздоровление.

Глава 3

Дело «Треста» и другие внешние операции

Главная особенность тайных операций в том, что они никогда не кончаются.

Мудрость сотрудников разведки

Двадцатые годы стали для советских спецслужб десятилетием активного выхода на мировую арену, где повсюду заработала внешняя разведка чекистов – ИНО ГПУ, а параллельно с ней и Разведывательное управление РККА. Двадцатые надолго станут золотым веком для разведки Советского Союза, как и источником многочисленных легенд и мифов о разведке. Именно в эти годы молодая спецслужба Советского государства совершила свой мощный рывок, сразу войдя в круг самых опытных разведок европейских стран.

В итоге за 20-е годы в плане профессионализма разведка ГПУ и РККА продвинулась очень сильно, это подтверждают все объективные исследователи, даже те, кто ненавидит сам Советский Союз и в этом резком усилении его разведки видит только безусловное зло для всего цивилизованного человечества. Не зря это двадцатилетие так почитаемо самими чекистами как самый удачный ее период, овеянный романтикой и еще не подорванный бойней в Большой террор кадрового ядра этой разведки. Именно поэтому период 20-х годов во внешней разведке расцвечен легендами самых удачных ее многоходовых операций: «Синдикат», «Трест», ликвидации за пределами Советской России лидеров белой эмиграции, разведывательные гнезда под торговой крышей «Амторга» и «Аркоса», выманивание в СССР английского разведчика Рейли и другие акции, давно ставшие классикой разведывательной работы и разбираемые в академиях по подготовке солдат тайной войны всего мира до сего дня.

В 20-х годах в ГПУ разведкой (ИНО) после недолгого руководства ею Соломона Могилевского, переведенного уже в мае 1922 года в начальники ГПУ по всему Закавказскому краю, долго руководил Меир Трилиссер. Оба были не только из первой когорты чекистов Дзержинского в ЧК, но и из большевиков-подпольщиков с дореволюционным стажем. Трилиссер был в РСДРП вообще с 1901 года, прошел каторгу и одиночку в Шлиссельбургской крепости, ссылку в Сибирь на вечное поселение, в Гражданскую войну служил в ЧК и в Дальневосточной республике Советов возглавлял замаскированный другим названием здешний филиал ЧК – так называемую «Госполитохранилище». Назначенный в 1922 году, Трилиссер руководил ИНО ГПУ до 1929 года, пока из-за трений с Ягодой и ультралевые взгляды его не отправили работать в Коминтерне, в 1938 году Трилиссер на этой должности арестован, а в 1940 году расстрелян.

В Большой террор уничтожены и работавшие после него в 30-х годах Артузов, Шпигельглас и Пассов. Из начальников внешней разведки ГПУ этих лет не репрессированы только Могилевский, погибший еще в 1925 году в авиакатастрофе в должности главы ГПУ в Закавказье, и Слуцкий, то ли умерший до ареста в разгар сталинских чисток, то ли принявший яд в страхе перед арестом, то ли тихо отравленный своими сослуживцами. Та же участь расстрела с клеймом врага советской власти постигла и основателя Разведупра РККА Яна Берзина, возглавлявшего военную разведку СССР все 20-е годы, да и сотни рядовых сотрудников разведки ГПУ и Разведупра.

Силовые акции за границей

В 20-х годах ИНО ГПУ продолжала успешно начатую еще ВЧК практику силовых расправ с наиболее опасными для Советского Союза эмигрантскими лидерами. В Китае в результате изощренной операции засланными чекистами захвачен атаман Анненков, правнук известного поэта-декабриста, заметная фигура в казачьей белой эмиграции, по типажу очень схожий с атаманом Дутовым, с убийства которого ЧК в китайских пределах стартовала такая кампания.

Операция против Анненкова была вызвана той же ненавистью в ГПУ к атаману сибирских казаков и колчаковскому генералу, отличавшемуся в 1919–1920 годах особой жестокостью к пленным красноармейцам и партизанам, руководившим у Колчака карательными рейдами, а в эмиграции развернувшему активную деятельность по заброске офицерских групп белых террористов в СССР.

Кроме воспоминаний о щедро проливаемой Анненковым крови красных в годы Гражданской войны, особая пристрастность ГПУ к этому атаману объяснялась тем, что в китайской эмиграции Анненков стал главным борцом с течением «возвращенцев», клонувшихся на советские обещания амнистии. Анненков притворно прощался с пожелавшими вернуться на советскую территорию своими подчиненными, после чего его верные казаки из засады расстреливали двинувшихся к советским границам для острастки других, решивших примириться с большевизмом. На перевале Карагач у китайско-советской границы его люди устроили из пулеметов бойню целого каравана таких «возвращенцев» еще в 1920 году, практически сразу после ухода остатков армии Анненкова в пределы Китая. Наверняка в ГПУ и это учитывали в решении любой ценой обезвредить и захватить атамана Анненкова.

На советском суде Анненков отвергал обвинения в этих расправах в свой адрес, там же он отрицал многие ходившие о нем с Гражданской войны легенды, рисовавшие его облик совсем уж демоническими красками. Что он где-то при карательном рейде изнасиловал гимназистку, что любил носиться по казахским аулам на автомобиле, стараясь обязательно задавить какое-нибудь животное или туземного ребенка. Все это он отмел, заявив: «Я воевал, мне такой ерундой заниматься было некогда». Почему-то для окончательного припечатания Бориса Анненкова клеймом полусумасшедшего выродка на семипалатинском суде ему в вину ставили и привычку играть по ночам на гармошке, и что в своем Семиреченском казачьем войске завел при штабе целый зоопарк во главе с медведицей, словно любовь к музыке или страсть к животным тоже свидетельствовала в пользу образа «белого зверя».

В 1926 году на китайской территории Анненков с одним из своих приближенных заманен в ловушку чекистов при помощи союзных им местных китайских генералов, захвачен в гостинице китайского города Калган и вывезен в пределы Советского Союза. Операцию курировал лично глава КРО ГПУ Артузов, это была совместная акция чекистской разведки и контрразведки, а саму группу захвата на территории Китая возглавлял Примаков, действовавший здесь под китайским псевдонимом Лин. Сами обстоятельства захвата Анненкова и его заместителя полковника Денисова на китайской территории группой Примакова остаются туманными для историков. То ли их тайно арестовали некие просоветские китайцы и передали Примакову для вывоза через границу, то ли это сделали наемные китайские бандиты хунхузы, то ли сами чекисты выкрали их из номера гостиницы, но в любом случае Анненков и Денисов оказались незаконно похищены и доставлены в Советский Союз. Обычно «сдавшим» Анненкова советской разведке называют местного китайского царька Фэн Юйсяна, к которому Анненков со своими казаками прибыл наниматься на службу и который искал тогда сближения с Москвой, поскольку командовал здесь гоминьдановской Первой народно-революционной армией. Чекистская спецгруппа во главе с сотрудником

ГПУ Лихаревым вроде бы вывезла Анненкова через Монголию и Кяхту в советские пределы, откуда его поездом этапировали в Москву. После долгого следствия Анненков предстал за прошлые грехи перед советским судом в Семипалатинске, что не удалось сделать с Дутовым, был приговорен к смертной казни и в 1927 году казнен в Новосибирске.

Историей с похищением атамана Анненкова тщательно занимался Иван Серебренников, ранее эсер и министр снабжения в правительстве Колчака, после своего бегства в Харбин в чехословацком эшелоне с документами чешского солдата ставший в Китае своего рода летописцем белой эмиграции 20 – 40-х годов в этой стране. В своем известном исследовании «Великий отход» о белой эмиграции на Дальнем Востоке Серебренников пишет, что уже тогда ГПУ распространяло ложь о том, что Анненков сам предпочел вернуться в Советский Союз в некоем раскаянии за свои злодеяния в годы Гражданской войны. Во что при близком знакомстве с фигурой Анненкова абсолютно невозможно поверить. Как пишет тот же Серебренников, под следствием чекистов Анненков вел себя очень достойно и даже дерзко, а перед расстрелом пожелал палачам из ГПУ «еще встретиться в бою с его солдатами».

Есть и альтернативные версии, что Анненков в эмиграции и после тюремного заключения у китайцев сдал, впал в депрессию и действительно подался к сменовеховцам, ратовавшим за признание Советов, на этом и попался на уговоры, поехал в Советский Союз добровольно, а здесь был обманут ГПУ и за прошлые грехи казнен. Но при близком знакомстве с личностью Анненкова и его роли в Белом движении, в том числе и в эмиграции, в это очень уж сложно поверить. Есть и компромиссные версии, как, например, предположение подробно исследовавшего «Дело Анненкова» омского историка В.А. Шульдякова: Анненков попал в ловушку разведчиков ГПУ и был обманом или насильно вывезен в СССР, а здесь уже действительно сломался, написав это нужное Советам покаяние в обмен на приемлемое обращение с ним на Лубянке до самого конца его жизни. Поэтому, как предполагает Шульдяков, в заключении в Москве с Анненковым обходились подчеркнуто корректно и не подвергали его пыткам, а одно время вместо камеры внутренней тюрьмы на Лубянке даже держали тайне на конспиративной московской квартире под контролем чекиста Зюка.

В этой операции ГПУ была интересная деталь: поскольку суд состоялся и советская юстиция свой приговор бывшему «белому зверю» Анненкову вынесла, а признавать незаконную по любым международным нормам силовую акцию за пределами СССР не хотелось, то советские учебники и энциклопедии повторяли оригинальную версию. Анненков после 1920 года, по этой версии, был эмигрантом, а в 1926 году «оказался на территории СССР», здесь арестован, и советский суд воздал ему должное. Советские люди, сбитые с ног этой юридически безупречной версией (на территории СССР ведь он и вправду оказался, никакого обмана по форме не было), гадали: то ли случайно атаман забрел через границу, то ли с заданием эмигрантского центра заброшен нелегально и здесь попался. А правда оказалась прозаичнее, не по своей воле он здесь оказался, а был похищен и затащен в Советский Союз для суда, исход которого был предрешен заранее.

Эта двойственность сохраняется и сейчас в тех изданиях, где деятельность органов всей системы ЧК – КГБ принято в патриотических традициях оправдывать обстановкой «того времени» во всех случаях. В вышедшей уже в 2004 году «Энциклопедии секретных служб России», написанной как раз в такой традиции гордости за чекистскую историю, операция по вывозу в СССР Анненкова описана и вовсе так витиевато, что трудно понять ее смысл: «В приграничных районах органы ОГПУ продолжали борьбу с закордонными бандами. В 1926 году советским агентам удалось уговорить казачьего атамана Анненкова явиться с повинной в советскую военную миссию, где он обратился к белоэмигрантам с призывом возвращаться на Родину. В 1927 году по приговору суда Анненков был расстрелян».³

³ Колтакиди А.И. Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 225.

Здесь в желании в очередной раз обелить органы ГПУ и скрыть факт пиратского похищения человека, никогда не имевшего даже советского гражданства, на территории сопредельного государства, авторы энциклопедии явно перегнули палку. Сейчас мы слишком хорошо знаем личность атамана Анненкова и его прошлые «заслуги» перед советской властью, чтобы поверить, что советские агенты его уговорили явиться добровольно. Знаем примерно и каким образом его затащили на советскую территорию, где заставили подписать это обращение к эмигрантам возвращаться в Советскую Россию. К тому же такая странная интерпретация «Энциклопедией секретных служб России» дела о похищении атамана Анненкова мало того что выглядит не слишком логичной (сначала «уговорили», а затем все равно расстреляли, а ведь при уговорах положено давать какие-то гарантии), так еще и защищаемые авторами органы ГПУ рисует в том же неприглядном свете. Ведь, по этой версии, уговорившие Анненкова чекисты коварно его обманули, да и «хорошая» агитация за возвращение эмигрантов получилась: сам обратившийся к ним с таким призывом человек на родине тут же расстрелян, тут и решившиеся на возвращение задумались бы и повернули обратно.

Ссылки же историков ЧК на какое-то право на подобные действия ввиду репутации Анненкова и его жестокости в годы Гражданской войны вряд ли можно считать состоятельными. Во-первых, ссылка на личность жертвы в таких операциях, противоречащих нормам международного права, не должна приниматься в качестве аргумента изначально. А во-вторых, при всех реальных или приписанных ему советской историей злодеяниях, при всех его «поездах смерти» Анненков не совершил ничего более ужасного, чем многие деятели ЧК, заманившей его в свои сети через несколько лет после окончания Гражданской войны. Как и Дутов, Семенов, Иванов-Ринов или Унгерн фон Штернберг, которых советская пропаганда считала главными головорезами в белом лагере, чем и оправдывала любые акции ЧК и ее наследников против этих людей.

В Европе в том же 1923 году операцией разведки ИНО ГПУ с мудреным названием «Дело № 39» (операция по разгрому в Европе центра украинской эмиграции сторонников Петлюры) заманен в Советский Союз для продолжения подпольной борьбы лидер украинских эмигрантов-самостийников Тютюнник, здесь он также арестован и расстрелян. Здесь едва ли не впервые разведка ГПУ опробовала свой в дальнейшем фирменный и вполне успешный метод «Треста», когда эмигрантам подсовывали созданную руками чекистов якобы антисоветскую организацию и от ее имени втягивали их в оперативные игры и заманивали для ареста в СССР. Юрко Тютюнник отправился через границу для встречи с представителями как раз такой легендированной ГПУ организации украинских националистов под названием «Высшая войсковая рада».

После рейда петлюровских отрядов Тютюнника в 1921 году через советско-польскую границу и обратно, известного в истории украинской эмиграции как «Зимний поход Тютюнника», он стал главой всей боевой организации петлюровцев в Европе и вступил в конфронтацию с самим Петлюрой, упрекая старого вождя националистов в нерешительности. При этом Тютюнник возглавлял в петлюровской эмиграции специально созданный для подпольной работы против СССР Партизанско-повстанческий штаб (ППШ), который при содействии польской Дефензивы расположился в польском городе Тарнув, а позднее перебрался во Львов. Там Тютюнник, все меньше советуясь с самим Петлюрой, налаживал связи с оставшимися на советской территории атаманами украинских банд, вел переговоры при содействии поляков с белым центром Савинкова и таким же повстанческим штабом «Зеленого дуба» белорусских националистов Адамовича (атаман Деркач). На этом желании Тютюнника стать новым вождем боевой украинской эмиграции и создать свое подполье на советской части Украины в ГПУ и сыграли.

Чекисты все сделали по классической модели таких своих акций. Сначала арестовали в СССР эмиссара Тютюнника из петлюровцев Заярного, затем заставили его направить Тютюннику заявление о создании мощной «Войсковой рады» под началом атамана Дорошенко в Украинской ССР и о подготовке ей восстания украинцев, а в июне 1923 года переплывшего тайно Днестр Тютюнника взяли на советском берегу. Здесь под видом лидеров «Рады» его встретили чекисты, их лидера играл лично Заковский, будущий заместитель наркома НКВД при Ежове. В СССР Тютюнника включили в тайные игры ГПУ с украинской эмиграцией, затем заставили писать покаянные письма о признании советской власти, но в 1929 году все равно расстреляли, как ставшего ненужным в оперативных схемах. Такие игры по «трестовской» модели сильно ударили по эмиграции украинских сепаратистов. Кроме фиктивной «Высшей войсковой рады», ГПУ создало «Черноморскую повстанческую группу» из своих агентов во главе с пойманным и перевербованным петлюровским атаманом Гамалией. Как и Тютюнник, на этот крючок попался и для связи с ней на территорию СССР прошел другой видный лидер петлюровцев Гуленко (Гулый), арестованный на конспиративной квартире ГПУ в Одессе.

Не признавало ГПУ до последних дней существования системы спецслужб Советского Союза и другие ликвидации своих политических противников за границей. В том же 1926 году в Париже прямо на улице некто Шварцбард застрелил главного украинского эмигранта Симона Петлюру, в войну возглавлявшего армию украинской сепаратистской Директории. Сам Шварцбард на суде заявил, что действовал в одиночку и убил Петлюру в отместку за еврейские погромы петлюровцев на Украине и гибель своих родственников. Большинство же исследователей ликвидацию Петлюры считают также акцией внешней разведки ГПУ, полагая ее организатором чекистского разведчика из ГПУ Володина. Сами деятели петлюровского движения УНР не сомневались в том, кто направлял руку убийцы их вождя. Они в отместку планировали тогда убить в зале суда самого Шварцбарда, а в советской Украине организовать покушение на главу Совнаркома Украинской ССР Чубаря – так об этом сообщали сводки ИНО ГПУ со ссылкой на агентуру в петлюровском эмигрантском центре.

Внутри петлюровской эмиграции, как и среди альтернативных ей украинских движений в эмиграции (УВО, ОУН или монархистов-гетманцев), уже с начала 20-х годов активно действовала внедренная агентура ГПУ. Одним из самых ценных агентов чекистов среди украинских эмигрантов был Дмитрий Бузько по кличке Профессор, до революции известный террорист из эсеров, бежавший с царской каторги в эмиграцию, но после ареста ЧК сломленный в 1919 году и завербованный в агенты. Бузько все 20-е годы работал агентом ГПУ в украинской диаспоре в Западной Европе, после отзыва в СССР стал писателем и проживал в Одессе, в 1937 году ликвидирован НКВД в разгар репрессий.

Кроме Европы, тайные силовые акции и ликвидации ГПУ в 20-х годах практиковало и в других регионах мира. Например, на территории Афганистана и Ирана, где укрылись крупные формирования выбитых из пределов СССР басмачей из узбеков, туркмен, таджиков. Здесь лидеры басмаческого движения создавали свои эмигрантские национальные союзы, как, например, «Фаал» в Афганистане или «Комитет счастья Бухары» в английском еще тогда Пешаваре, забрасывая через советскую границу своих эмиссаров и боевые отряды басмачей. В северных провинциях Афганистана прямо у границ СССР обосновался один из самых непримиримых и деятельных лидеров узбекского басмачества Ибрагим-бек, именно против него ГПУ провело точечную операцию на афганской территории. От имени завербованного ГПУ агента Ибрагим-беку назначили встречу недалеко от афганского города Мазари-Шариф, где в горном селении приехавшего с небольшой охраной лидера басмачей сотрудники ГПУ расстреляли на месте из засады, убив его вместе с охранниками в ходе короткой перестрелки.

В 1929 году ГПУ на Дальнем Востоке организована одна из самых кровавых вылазок среди операций против эмигрантов по ту сторону границы – так называемый «Трехреченский рейд». Отборная группа сотрудников ГПУ и поддерживавших их бойцов пограничных войск через границу ворвалась в принадлежавший Китаю район Трехречья (у трех притоков реки Аргунь, местные называют этот район Барга), перебив в нескольких селах более сотни поселившихся здесь казаков Семенова и членов их семей, поскольку из Барги ранее семеницы тоже совершали вылазки на территорию СССР. При этом границу перешли нагло и в открытую, отойдя после бойни назад, а пытавшийся оказать слабое сопротивление пост китайской пограничной стражи был просто перебит, убито 6 китайских солдат. Командовал этим «Трехреченским рейдом» чекист Моисей Жуч из ГПУ, запомнившийся спасшимся тем, что посреди подожженных сел гарцевал в знаменитой кожаной чекистской куртке и революционных красных штанах, подобно герою культового советского кинофильма «Офицеры». Сейчас эту кровавую акцию ни в каких славящих ЧК – ГПУ энциклопедиях особо не упоминают, предпочитая рассказывать только о белоэмигрантских вылазках в СССР. А тогда эмиграция после событий в Трехречье была в шоке, 16 октября 1929 года было объявлено по русской эмиграции днем траура по жертвам акции ГПУ в Трехречье, этот вопрос тогда обсуждался в Лиге Наций в Женеве.

Во Франции же с начала 20-х годов обосновался самый опасный тогда центр активной русской эмиграции, более других тревоживший Лубянку, – Российский общевойсковой союз (РОВС). Это организация эмигрантов из Белого движения из бывших офицеров и рядовых армий Деникина, Врангеля, Миллера, Колчака. Еще в годы нахождения ушедшей в 1920 году из Крыма врангелевской армии в Турции барон Врангель преобразовал свое войско в этот союз, сохраняя боеготовность своих офицерских кадров на случай новой войны с Советской Россией.

Сам барон Врангель так и не стал жертвой спецоперации ГПУ, хотя такие планы на Лубянке несколько раз разрабатывались. Правда, его внезапную смерть в 1928 году в Бельгии от обострившейся болезни некоторые тоже считают результатом тайного отравления ГПУ, но доказательств этому нет, хотя дочь Врангеля и настаивала на том, что отца отравил ядом в пищу завербованный ГПУ его ординарец. Члены же РОВС, особенно из числа главных руководителей и самых активных деятелей белоэмигрантского террора, несколько раз гибли от рук чекистов-разведчиков. Так, в 1925 году во французском Фонтенбло был тайно похищен и затем убит известный член РОВС Монкевиц, до революции 1917 года руководитель Военной разведки царской армии и в РОВС у Врангеля занимавшийся вопросами разведки. И после смерти Врангеля, когда РОВС возглавил его преемник генерал Кутепов, очень популярный в белой эмиграции и откровенный сторонник террора против Советского Союза, тайные акции советской разведки против этой организации усилились.

К середине 20-х годов активность советской разведки, особенно в странах Европы, заметно усилилась. Эти структуры ГПУ и РККА обросли мускулами и мышечным мясом разведки – резидентурами в большинстве европейских столиц и тайной агентурой из завербованных местных граждан. Силовые акции в иностранных государствах в связи с этим сразу усилились и стали еще изощреннее. Кроме непосредственно силовых ударов в виде похищений и ликвидаций своих противников, чекисты начали проводить и хитроумные комбинации по дискредитации лидеров антисоветской эмиграции, по компрометации их центров в глазах приютивших их правительств, по стравливанию различных движений антисоветской эмиграции между собой. Это уже значительно более сложная форма работы разведки, она с ростом профессионального мастерства чекистов и ростом их резидентур за границей шла на смену примитивному орудованию револьвером из арсенала «красного террора» времен Гражданской войны, перенесенного теперь и за границу.

Чистых белогвардейцев из РОВС натравливали на ультрарадикалов из «Братства русской правды» или на первых российских фашистов из партий Вонсяцкого, Родзаевского, Сахарова, Светозарова. Умеренных белогвардейцев кадетского склада – на монархистов из обосновавшегося в Париже «Высшего монархического совета» (ВМС) из сторонников уцелевших Романовых. Среди монархистов стравливали сторонников великого князя Николая из ВМС (возглавляемого известным черносотенцем Марковым) и сторонников великого князя Кирилла из Романовых, основавших свой штаб кирилловцев в германском Кобурге. Удалось в эмиграции найти даже очень экстравагантных неомонархистов, бывших противниками реставрации Романовых вообще и грезивших о некоей «советской монархии» на основе союза монархистов с большевиками и эсерами о возвращении идеи Февральской революции с дополнением ее конституционной монархией с новой династией. Эту сектантскую группу разведка ГПУ пыталась поддерживать и использовать против ВМС и кирилловцев. Сторонников единой России натравливали исподволь на центры национальных движений Украины или Грузии, на сепаратистов кавказских народов или сторонников независимого казачьего движения.

Оперативные методы воздействия на непримиримую к Советам часть российской эмиграции параллельно уговорам вернуться применялись тоже очень активно. В 1929 году чекист Крошко, известный в ГПУ под агентурной кличкой Кейт, организовал в Германии провокацию по всем законам жанра царской охраны эпохи Судейкина, представив германскому правительству и его спецслужбам обосновавшихся в их стране лидеров «Братства русской правды» уголовными преступниками, якобы пользующимися поддельными документами и желающими разжечь советско-германский конфликт. В результате немецкая тайная полиция арестовала временно лидера германского филиала «Братства» Орлова и еще ряд членов этой радикальной организации эмигрантов, деятельность этой партии в Германии операцией Крошко была парализована. Крошко для этой операции использовал заведомо поддельные документы о преступной деятельности германского филиала «Братства русской правды».

Когда-то насоливший еще ЧК проникновением в ее ряды с чужими документами в годы Гражданской войны, белый офицер Орлов и в эмиграции пытался обратить против ГПУ оружие чекистской провокации, при помощи перебежавшего на сторону эмигрантов разведчика ИНО ГПУ Якшина (Сумарокова) изготавливая подделки советских документов и пугая ими европейские спецслужбы. А чекистский агент Крошко завернул против «Братства русской правды» очередной виток контрпровокации. Орлова и беглого чекиста Якшина арестовали, как и тайную сотрудницу германской госбезопасности Дриммер, из-за романа с которой ранее немецкие спецслужбы и белоэмигранты Орлова перевербовали Якшина. Сам Крошко тоже был из белоэмигрантов, состоял в эсеровском центре Савинкова, а после перевербовки ГПУ стал доверенным агентом советской разведки в эмиграции с широким охватом: кроме «Братства русской правды» он работал в Германии по РОВС и по центру монархистов кирилловцев в Мюнхене. После ареста Орлова и его соратников над Крошко сгустились тучи подозрения в работе на Лубянку, его вскоре отозвали в Советский Союз, где он дожил до глубокой старости.

В операции по этому разоблачению перед немецкими властями белоэмигрантского центра Орлова задействовали и завербованного в начале 20-х годов разведкой ГПУ владельца частного сыскного агентства в Берлине Ковальчика, немецкого выходца из Польши. Через его частное агентство ГПУ подбрасывало нужную информацию германской политической полиции и задействовало детективов агентства Ковальчика в слежке за русскими эмигрантами. Вербовка ГПУ частного детектива и найм его агентства для оперативной работы на советскую разведку – это уникальный случай в истории спецслужб СССР. Это разведка Российской империи в начале XX века часто практиковала такой метод использования для

работы на себя французских, английских, германских частных сыскных агентств и даже сама организовывала их под именем своих зарубежных агентов. Но разведка Советского Союза ни до, ни после работы с «Агентством пана Ковальчика» в Берлине в подобном не была замечена. Работа же с Ковальчиком продолжалась затем и в 30-х годах почти до начала Второй мировой войны.

В 1937 году, после одного из арестов Ковальчика немецким гестапо и выпуска его за недостатком улик, на Лубянке вдруг уверились в его перевербовке и перестали Ковальчику доверять. Советские связники активно стали приглашать его нелегально выехать в СССР, но частный детектив догадался, чем может закончиться там разбирательство по его делу, и ехать в Москву отказался. Тогда с Ковальчиком просто прервали отношения. Хотя после войны из германских архивов гестапо узнали, что Ковальчик не был двойным агентом и на берлинскую резидентуру ГПУ – НКВД работал честно.

В Болгарии после прихода к власти социалистического премьера Стамболийски, решившего наладить болгаро-советские связи, болгарские спецслужбы получили от правительства задание обмениваться информацией с коллегами из ГПУ, чем чекисты тут же воспользовались. Группа чекистов под началом Иванова организовала убийство в Болгарии в 1922 году активиста белой эмиграции Агеева, представив это как результат борьбы между различными течениями русских эмигрантов. Болгарской полиции безопасности ГПУ подбросило сфальсифицированные улики, обвиняющие в убийстве Агеева эмигрантский центр бывшего денкинского генерала Покровского. В результате болгарские «охранники», взяв в сопровождение союзников чекистов, совершили под предлогом обыска настоящий налет на штаб людей Покровского в городке Кюстендил, разгромив его и арестовав многих эмигрантов. Сам Покровский и его сторонники оказали при этом вооруженное сопротивление, в итоге герой Белого движения и командир конного корпуса Виктор Покровский был убит на месте возглавлявшим этот налет офицером болгарской тайной полиции Кюмиджиевым. Сам Кюмиджиев и несколько его «охранников» получили в этой перестрелке ранения, что привело затем к осуждению схваченных по ложному обвинению белоэмигрантов.

Крупный центр РОВС в Болгарии, самый деятельный и одним из первых под началом Покровского начавший заброску в СССР диверсантов, был разгромлен в результате такой на первый взгляд противоестественной совместной операции социалистического ГПУ и охраны царской Болгарии. С советской стороны, кроме резидента ГПУ в Болгарии Иванова, эту акцию возглавлял чекист Семен Фирин, в 30-х годах ставший одним из печально известных руководителей системы лагерей ГУЛАГ в НКВД, в 1937 году Фирин расстрелян при зачистке в НКВД людей из «команды Ягоды». Супруга Семена Фирин Софья Залесская в тех же 20-х годах тоже работала в Европе против эмигрантов, только как сотрудник военной разведки – Разведупра РККА. В 1922 году в Берлине ее удалось даже внедрить под видом кухарки в дом лидера ЦК партии эсеров в эмиграции Виктора Чернова, и полученные из эсеровского центра Залесской сведения использовали в том году на Московском процессе против партии эсеров. Позднее Залесская работала в резидентурах Разведупра в Германии и Румынии, ее как отличного оперативника отмечал начальник Разведупра Берзин. В 1937 году как жену «изобличенного изменника» Фирин и как человека тоже арестованного Берзина ее арестовал НКВД, и в августе 1937 года Залесская расстреляна.

В том же 1922 году представители РОВС в Болгарии прямо обвинили спецслужбы этой страны в тесной работе с ГПУ на ликвидацию колонии русских эмигрантов. Начальник контрразведки в РОВС генерал Кутепов открыто заявил, что в качестве агентов влияния советских спецслужб против белоэмигрантов действуют софийский градоначальник Трифанов и главный шеф полиции безопасности Мустанов. Доказать факт вербовки столичного мэра и главы тайной службы страны ГПУ ровсовцам не удалось, поэтому их лидеры Кутепов и Самохвалов были решением правительства депортированы из Болгарии. И главный штаб

РОВС, поначалу обосновавшийся в Софии, с 1923 года эмигрантами перенесен в Париж. Советская спецслужба праздновала еще одну победу, а этой ее операции, правда заретушировав многие детали, посвящен советский фильм «Берега в тумане». Хотя уже в 1923 году этот роман советских и болгарских спецслужб закончился, переворот правых военных привел в премьерское кресло врага Советского Союза Цанкова.

Но и после свертывания взаимной работы с болгарскими спецслужбами и после сильного удара по подполью полиции при Цанкове ГПУ продолжало в Болгарии свои тайные акции диверсионного характера. Так, уже в 1938 году попытались убить в Софии известного писателя-эмигранта из России Ивана Солоневича, бежавшего в 1934 году из СССР пешком через финскую границу, бывшего рупором и идеологом белой эмиграции. За несколько лет Солоневич стал кумиром молодого поколения эмиграции, основал независимое от РОВС движение «Штабс-капитанов», а издаваемая им в Софии антисоветская газета «Голос России» особенно раздражала советскую разведку. ГПУ действовало в стиле настоящих террористов, прислав на дом к Солоневичу анонимную посылку с бомбой внутри, при попытке открыть ее погибли жена Солоневича и его секретарь Михайлов, сам писатель не пострадал только благодаря случаю, в момент взрыва он находился в соседней комнате. Не останавливались и перед покушениями на самих болгарских политиков, занимавших антисоветскую позицию, в основном руками местных подпольщиков и болгарских агентов Коминтерна.

Самой дерзкой акцией стало покушение на самого премьер-министра страны Цанкова 16 апреля 1925 года, когда руками болгарских агентов советской разведки была взорвана мощная бомба в одном из православных храмов Софии во время службы. Ненавистный Москве Цанков уцелел, но погибло 150 не причастных впрямую к его политике человек. Исполнители теракта в храме позднее найдены цанковской контрразведкой и уничтожены. Бомбу в Софийской церкви Святого Воскресения боевики из нелегальной группы компартии под началом Янкова заложили по приказу ИНО ГПУ и взорвали в момент отпевания ранее убитого левыми террористами болгарского генерала Георгиева, на котором предполагалось участие Цанкова и многих членов его правительства. Взрыв и ликвидация Цанкова должны были по плану ГПУ и «военки» болгарской БКП стать первыми звеньями в цепи нового левого восстания, для которого боевики Янкова усиленно завозили в Болгарию поставляемое из СССР оружие. Цанков остался жив, восстания не случилось, а сама БКП этим жестоким терактом в церкви была в православной стране здорово дискредитирована. Даже работавший с людьми Янкова в этом деле резидент советского Разведупра Нестерович ужаснулся содеянному собственными спецслужбами. Бывший царский офицер на службе Советов еще не успел прокалиться насквозь пламенной классовой ненавистью, он порвал с советской разведкой и бежал, пришлось его ГПУ отлавливать по Европе и тайно ликвидировать.

В ходе массовых облав цанковской полицией безопасности в Софии и в провинции арестованы и в ускоренном порядке расстреляны кроме самих исполнивших теракт в церкви боевиков и десятки других членов запрещенной Болгарской компартии. В их числе был расстрелян и главный организатор покушения на Цанкова по поручению разведки ГПУ Коста Янков, бывший офицер болгарской армии, возглавлявший нелегальную боевую организацию БКП и бывший в 1923 году одним из вожаков попытки коммунистического восстания в Болгарии. Во время той же массовой облавы охраны покончил с собой, не желая сдаваться в руки врага, и лидер ЦК БКП Иван Манев. При схожих обстоятельствах ранее застрелился при попытке его ареста и известный боевик нелегального крыла БКП Димитр Гичев. Так что неудачное покушение в Софии на Цанкова ГПУ стоило жизни не только совершенно не причастным к этим классовым битвам посетителям церкви, но и самым ценным кадрам компартии Болгарии.

Эта акция 16 апреля 1925 года в Софии очень показательна. Не тем, что ради попытки убить неприятельского политика угробили полторы сотни случайных людей, – такие мелочи,

как знаменитые «щепки при рубке леса», чекистов не тревожили. И не тем, что взрыв организовали в Божьем храме, если уж у себя на родине в это время церкви громили сотнями, а священников гнали на погибель на Соловки. И не тем, что рядовые исполнители акции и их командиры из болгар погибли, а главные организаторы спокойно сидели на Лубянке, – это обычная история в таких тайных операциях. А тем, что так легко спецслужбы СССР пошли на попытку тайного убийства главы правительства чужой страны.

Дореволюционная разведка России лишь раз замечена в соучастии в дворцовом перевороте в Сербии 1903 года с последующим царевубийством там короля Александра Обреновича, да и то там всю грязную работу сделали местные террористы из «Черной руки», а российские разведчики никакой прямой команды на убийство королевской семьи не давали. Разведка СССР с первых лет своего существования так же легко перешла к тактике физической ликвидации зарубежных политиков и глав государств или правительств, как без колебаний начали уничтожать за границей собственных эмигрантов. Это главная особенность покушения на Цанкова, сколько раз еще в XX веке мир станет свидетелем таких силовых операций советских спецслужб за пределами СССР, а такие акции даже в мире спецслужб считаются самым верхом беззакония в действиях разведки, нарушением последних табу ее негласного кодекса.

Еще одна заметная особенность бросалась в глаза и тоже понемногу становилась фирменным почерком советских спецслужб – обвинять в провалах собственных сотрудников, многим из которых ошибки даже двадцатилетней давности припомнили в годы сталинских чисток в 1936–1939 годах. Так, бывший резидентом Разведупра в Германии Петр Скобелевский (Вольф) в 1923 году был главным связным этой спецслужбы со штабом готовящегося в Германии всеобщего восстания в КППГ. Скобелевский был одним из тех, кто резонно призывал Москву не форсировать восстание, честно сообщая о недостатках в его организации и о недостаточном количестве оружия у создаваемых военным аппаратом КППГ «рабочих сотен». Но в советских спецслужбах и Коминтерне в упоении грядущей победой выступление подстегивали, приказ на отмену выступления дали за день до него, а не получившие этого приказа лидеры КППГ в Гамбурге начали свое знаменитое выступление, закончившееся провалом и большой кровью.

В архивах ГПУ и Коминтерна осталось множество документов, в которых после провала Гамбургского восстания пытались найти виновных в собственных рядах, и во многом был обвинен офицер Разведупра Скобелевский. В частности, ему поставили в вину создание внутри КППГ под своим началом тайной террористической группы для ликвидации выявленных провокаторов и индивидуального террора против врагов КППГ, ее членов в 1924 году немцы судили по знаменитому делу «О Германской ЧК». Создание боевой группы Скобелевский не согласовал с Разведупром, да и сама террористическая тактика в преддверии массового восстания Коминтерном и спецслужбами СССР была тогда признана вредной и отвлекающей от генеральной линии. Скобелевского Разведупр решил в начале 1924 года отозвать из Германии, но в апреле 1924 года его арестовала здесь за эту самую группу «Германской ЧК» немецкая тайная полиция. В 1927 году разведчика обменяли на кого-то из немцев в СССР, но зачислили в неблагоденственные, а при первых же залпах Большого террора в 1937 году расстреляли. Возглавлявшего во время этих бурных событий 1923 года в Германии партийную разведку в КППГ и бывшего главной связью Скобелевского со штабом восстания Феликса Вольфа (настоящая фамилия Кребс) после поражения в Гамбурге советская разведка даже прятала в здании посольства СССР в Берлине. Затем Вольфа негласно вывезли в Советский Союз, а в бойню 1937 года обвинили в гамбургской неудаче вместе со Скобелевским и расстреляли.

В соседней с Германией Польше в 20-х годах советская разведка очень часто прибегала к диверсионным акциям против режима Пилсудского и собственными силами, и руками

соратников из нелегальной польской компартии. Особенно до 1924 года, когда на востоке Польши ГПУ и Разведупр практически открыто курировали партизанские отряды коммунистов, когда такой отряд Ваупшаса из советских чекистов и их польских товарищей совершил дерзкий налет на городок Столбцы, отбив в местной тюрьме политзаключенных и разгромив местные полицейские участки.

В это же время под крышей советского дипломатического представительства в Варшаве сидел известный резидент ИНО ГПУ из чекистов-поляков Мечислав Логановский, когда-то лично Дзержинским еще привлеченный в ряды ЧК, хотя до революции был террористом польской националистической ППС. Логановский в начале 20-х годов организовал несколько терактов в самой Варшаве, включая разрушительный взрыв в Варшавской цитадели с десятками погибших поляков, сравнимый по жестокости с акцией в Софийском соборе. Работавший в посольстве СССР в Польше вместе с Логановским и ставший затем невозвращенцем советский дипломат Беседовский, сбежавший в Париже прямо через ограду советского посольства, писал в воспоминаниях, что Мечислав Логановский был одним из самых безжалостных среди встречаемых им многочисленных чекистов, «человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости, в чьих глазах человеческая жизнь не имела никакой ценности». Этот советский резидент, так закалившийся еще в безжалостном дореволюционном терроре польской ППС, вскоре после подрыва Варшавской цитадели был отозван в Москву, но и сменивший его на посту резидента в Польше еще один выходец из польских чекистов Казимир Кобецкий достаточно известен в советской разведке (там он часто проходит под фамилией Барановский, это один и тот же человек). В отличие от жестокого боевика Логановского он производил обманчивое впечатление тихого интеллигента в очках, а кровавым диверсиям и терактам предпочитал тонкую агентурную работу. В конце 30-х годов и мрачный фанатик Логановский, и интеллигент-оперативник Кобецкий вместе расстреляны НКВД по делу о польском контрреволюционном заговоре среди чекистов.

После первых же таких громких акций в Европе и Азии против белой эмиграции и иностранных лидеров «антисоветского настроения» активность советской разведки была замечена, и с ней стали считаться. В кругу разведок тогдашних европейских держав к середине 20-х годов советская разведка уже имела репутацию достаточно сильной и умелой, а также безжалостной в плане методов и безразличной к международному праву.

Очень характерна в этом плане паника в парламенте Великобритании после обнаружения знаменитого «Меморандума Зиновьева», где от имени этого лидера партии большевиков и Коминтерна предлагалось силами советской разведки организовать восстание индийских и пуштунских племен, покончив тем с властью Великобритании над Индией и Кашмиром. ГПУ и военная разведка РККА через свои сети Коминтерна, безусловно, работала и в этом важнейшем регионе, но все же никаких признаков уже подготовленного восстания в Северной Индии и Кашмире при их участии тогда выявлено не было. Шум был большой, именно тогда глава МИДа Великобритании Остин Чемберлен обратился к СССР с нотой протеста, обстоятельства которого сейчас в основном забылись, а фраза «Наш ответ Чемберлену» осталась крылатой до сих пор, тогда по советским городам ходили манифестации с лозунгами «Пролетарии последний раз предупреждают Чемберлена». Советский ответ в 1927 году Чемберлену действительно был шумным, нарком иностранных дел Литвинов послал ответную возмущенную ноту в Лондон о «происках и клевете» в типичном советском стиле, а пролетарский поэт Демьян Бедный на страницах советских газет ответил на английскую ноту еще более хлестко: «Мистеру Чемберлену – мед вместо хрену». Такой тогда в Стране Советов ценился политический юмор.

Уже вскоре стало известно, что английские парламентарии стали жертвой именно этой демонизации зарубежного монстра советской разведки и непроверенных сведений собствен-

ных разведчиков, поскольку это сотрудники МИ-6, английской внешней разведки, добыли «секретный меморандум Зиновьева». А передали эти документы английскому резиденту разведки в Латвии Николсону русские белоэмигранты. То ли они хотели тем самым еще больше рассорить Лондон с Москвой, то ли английские джеймсы бонды перестарались в желании выслужиться и получить повышение, то ли была ловкая игра по дезинформации – концов этой громкой тогда провокации так и не найдено.

По другой версии, в руки МИ-6 эти изготовленные фальшивки передали члены белоэмигрантского «Братства русской правды», когда глава филиала «Братства» в Германии Орлов наладил производство таких фальшивок с чекистскими печатями для устрашения Запада и обострения его отношений с СССР. Хотя пик скандала пришелся на 1924 год, когда английские разведчики тайно похитили багаж члена компартии Англии Макмануса, найдя в нем документы о подрывной работе ГПУ по исполнению «плана Зиновьева», включая поддержку антибританского движения в Индии и субсидирования самих английских коммунистов для антиправительственной деятельности. Полагают, что джентльмены из английской разведки выдали здесь за улики из чемодана Макмануса те самые изготовленные белоэмигрантами фальшивки, хотя не секрет, что ГПУ и Коминтерн в те годы действительно массово переправляли европейским компартиям деньги на подрывную деятельность и пропагандистскую литературу.

Эта фобия, часто раздуваемая на всякий случай белой эмиграцией в Европе, обострялась в моменты арестов настоящих агентов советской разведки и разоблачения свитых ими сетей, которые действительно впечатляли. Как это было в той же Франции в конце 20-х годов, когда впервые разоблачена мощная сеть французских агентов советской разведки из компартии и профсоюзов, несколько лет успешно действовавшая на французской земле, тогда же был арестован возглавлявший ее резидент советского Разведупра РККА во Франции Узданский. Или когда выяснилось, что разведчик ИНО ГПУ Григанович сумел внедриться в самое высшее руководство разведывательной службы Генштаба армии Литвы, а после разоблачения благополучно сумел скрыться и бежал назад в СССР. Сам герой этой истории Викентий Григанович, чекист и разведчик с большим стажем, в 1938 году в Советском Союзе расстрелян в чистки НКВД.

В той же Литве советская внешняя разведка добилась еще более внушительного успеха, завербовав белогвардейского генерала Клещинского, пошедшего на службу в армию независимой Литвы и дослужившегося там до поста начальника Генштаба. Автором вербовки Клещинского считают резидента ИНО ГПУ в Каунасе Лебединского. Уже после ухода в отставку с поста начальника Генштаба Клещинский продолжал поддерживать связь с советской разведкой. В 1927 году литовская тайная полиция Жвалгиба вычислила его и арестовала на собственной квартире в момент передачи сведений секретной информации его советскому связнику Соколову. По приговору литовского суда Клещинский был расстрелян, но его случай шокировал и руководство Литвы, и круги белой эмиграции.

Размах тайной работы в западноевропейских странах в 20-х годах был замечен и по такому громкому делу, как история с обществом «Аркос» в Великобритании. Когда после 1923 года Советский Союз начали признавать европейские державы, обмениваясь с ленинской Москвой посольствами, ГПУ и Разведупру стало заметно проще работать, и они тут же развернулись. Еще в 1921 году в Лондон приезжала советская делегация наркома внешней торговли Красина, в ее составе был сотрудник ЧК Клышко, который и стал крестным отцом советского торгового общества «Аркос», под крышей которого ГПУ и штаб Коминтерна очень быстро развернули шпионский центр на Британских островах. Когда в 1924 году британское правительство Макдональда признало СССР и установило с ним дипотношения, эта работа значительно расширилась.

В 1922–1927 годах шла эта бурная деятельность, когда чекистские и коминтерновские агенты вербовали в Англии осведомителей, строили козни против немногочисленного здесь отделения белоэмигрантского РОВС, подпитывали деньгами и информационными материалами Английскую компартию Гарри Поллита (на эти деньги английские коммунисты устроили уличные массовые беспорядки на 1 мая 1926 года), готовили диверсии на флотах западных государств руками сформированной в недрах «Аркаса» тайной «Интергруппы» моряков разных стран под контролем Коминтерна. Всю эту работу курировал из советского посольства резидент ИНО ГПУ в Лондоне Радомский, а в самом штабе «Аркаса» – чекист Степан Мельников, которого только в 1926 году отозвали в СССР после обострившегося у него психического заболевания вследствие тяжелой контузии на Гражданской войне.

Прикрыть «Аркас» английским спецслужбам удалось только в 1927 году, получив неопровержимые улики шпионской деятельности ГПУ под его прикрытием, тогда был произведен знаменитый «Налет на «Аркас» в мае 1927 года и на время разорваны отношения между Лондоном и Москвой. Этой победы добились спецслужбы Великобритании, разгром «Аркаса» стал финальной точкой в их операции против советской разведки, где британцам удалось переиграть ГПУ, завербовав в «Аркосе» часть советской агентуры в двойные агенты. Главными агентами-двойниками стали латыш Карл Корбс, завербованный Особым отделом Скотленд-Ярда (эта структура тогда наравне с МИ-5 занималась в Британии контрразведкой и госбезопасностью), и его соотечественник из Латвии Петр Мидлер. Затем в «Аркас» был внедрен двойной агент из русских Анатолий Тимохин, завербованный английской военной разведкой еще в 1918 году, во время оккупации британскими войсками Мурманска, а затем переданный на связь в контрразведку МИ-5. Именно через этих двойных агентов в «Аркосе» английская контрразведка сначала подсунила ГПУ дезинформацию о ложных шифрах и поддельных чертежах британских подводных лодок, а в мае 1927 года с их помощью устроила свой знаменитый налет на «Аркас», захватив там уличающие советскую разведку материалы о подрывной деятельности на территории Великобритании.

Разгром «Аркаса» с временным прекращением в Лондоне его деятельности и временным разрывом дипотношений с Лондоном повлек в ГПУ расследование этого дела и расправу с виновными. Завербованный английской Интеллидженс сервис агент Тимохин и после разгрома «Аркаса» в Ленинграде стал тайным сотрудником ГПУ, одновременно в качестве «крота» установив уже в СССР связь с английской разведкой, его выявили в ГПУ и арестовали в 1928 году. Тогда же за рубежом тайными операциями выкрали и доставили для следствия в СССР проваливших «Аркас» агентов-предателей Корбса и Мидлера. Они не горели желанием после разгрома «Аркаса» возвращаться в СССР, зная о подозрениях ГПУ против них, предпочтя остаться в странах Западной Европы, а их коллега и двойной агент в «Аркосе» Кирхенштайн вообще отбыл в США и избежал расправы со стороны чекистов.

Корбса спецгруппа ГПУ похитила в голландском Роттердаме, заманив на борт советского парохода «Онега» и тайно вывезя на нем в Ленинград, спрятав его в тайник в машинном отделении, в июле 1928 года. А в сентябре того же года и по той же схеме в немецком Гамбурге пригласили на борт советского судна «Герцен» и Петра Мидлера, работавшего там в советском представительстве «Совтрансфлота», захватив и доставив морем в Ленинград и его. В изоляторе Ленинградского ГПУ Корбса, Мидлера и Тимохина сделали главными обвиняемыми этого известного «Дела № 569» об измене в «Аркосе» годом ранее. Всех их лично допрашивал начальник Ленинградского ГПУ Мессинг, а Корбса для допросов даже этапировали в Москву во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке. По этому же делу арестовали еще несколько человек из «Аркаса» рангом поменьше, арестовали и родного брата Петра Мидлера Антона, кадрового чекиста из ГПУ и шифровальщика в былом «Аркосе», обвинив его в разглашении брату-изменнику тайной информации по службе.

Сейчас все материалы этого «Дела № 569» рассекречены и опубликованы писателем Игорем Лосевым в его книге «ОГПУ против Скотленд-Ярда» об этой запутанной истории вокруг «Аркоса». На следствии Корбс, Тимохин и братья Мидлер обоюдными обвинениями «утопили» друг друга, все они за измену советской разведке и делу мировой революции по постановлению Особого совещания ГПУ в итоге расстреляны. Так закончился скандал вокруг «Аркоса», второй раз после «плана Зиновьева» так всколыхнувший Англию и показавший масштаб проникновения советской разведки в страны Западной Европы. Главную нагрузку в деле тайных операций и диверсионной работы за пределами СССР в ИНО ГПУ несло особое подразделение, созданное специально для этого в 20-х годах и засекреченное так, что даже не многие чекисты знали о его существовании. Это знаменитый 5-й спецотдел ГПУ, или «Спецбюро № 5», как его официально именовали с 1928 года. Его возглавлял тогда чекист Яков Серебрянский, в ГПУ известный под ласковым именем Яша, хотя личность и работа этого человека никак не располагала к таким сентиментально-уменьшительным прозвищам. Это был опытный боевик из дореволюционной партии эсеров, совершивший еще до 1917 года ряд громких терактов и лично причастный к убийству начальника Минской тюрьмы. В 1921 году он в качестве эсера арестован советской властью, но затем амнистирован, вступил в партию большевиков и принят на работу в ЧК, где в 20-х годах и стал в ГПУ руководителем специального бюро по диверсиям и ликвидациям за границами Советского Союза. В дальнейшем извилистая судьба боевика и чекиста Серебрянского совершит еще не один поворот с арестами своими соратниками, помилованием, очередным арестом и смертью в тюрьме от инфаркта, но в 20-х годах он еще на коне, и его спецотдел обрывает в Европе легендами. Все главные специалисты по тайным акциям и ликвидациям советских спецслужб сталинского периода вышли из этого «отдела Яши», такие как Судоплатов, Зарубин, Эйтингон, Шпигельгласс, Перевозчиков, Сыркин, Григулевич, Зубов и другие.

Поход советской разведки на восток

Кроме Европы, щупальца советской разведки уже дотягивались и до США, и до Южной Америки, и до Японии, и до самых дальних уголков Южной Азии. Именно на 20-е годы приходится известная эпопея с тайной миссией Якова Блюмкина в горный Тибет, которая сейчас обросла мистическим налетом и цели которой до конца не прояснены. То ли Блюмкин в 1927 году готовил покушение на далай-ламу, то ли по заданию руководства ГПУ искал мистическую страну Шамбалу, которую позднее искала в тех же краях спецгруппа разведки гитлеровского рейха. Операцию эту пропагандировал главный мистик и оккультист Советской России 20 – 30-х годов профессор Александр Барченко. Этот человек еще в дореволюционной России был увлечен поисками секретов цивилизаций прошлого и тайных обществ Средневековья, а в годы советской власти ему удалось к поискам мифических Шамбалы или Гипербореи привлечь и ГПУ.

К советским органам госбезопасности Барченко еще в 1923 году пробился через своего друга-чекиста Владимирова (позднее расстрелянного по обвинению в троцкизме); увлеченный экзотическими идеями Барченко чекист познакомил профессора с Блюмкиным и Аграновым, а позднее и с самим Дзержинским. Барченко заразил своим увлечением главу Спецотдела ГПУ Глеба Бокия, который в 20-х годах помимо прямых обязанностей по шифровке и организации прослушки (для сбора компромата на советскую элиту) организовывал странные оккультные изыскания чекистов. Так долго разрабатывалась ГПУ экзотическая секта раскольников из так называемых «странников», поскольку в спецотделе Бокия полагали, что они имеют тайные связи с Тибетом. Бокий даже додумался доставить в свой отдел на Лубянке какого-то шамана из северного племени саамов по имени Иван, который брякал своими погремушками и пытался разглядывать будущее в тарелках, пока не умер у чекистов при фактически домашнем заточении. Эту странную акцию тоже санкционировал лично Бокий, на которого идеи профессора Барченко оказали в ГПУ самое большое влияние.

Именно Барченко был инициатором таинственной командировки Блюмкина в Тибет. Кто-то считает Александра Барченко ловким шарлатаном и авантюристом, своего рода Блюмкиным от оккультной науки, игравшим с ГПУ в свою игру, кто-то видит в нем непонятого пророка, в любом случае советская госбезопасность точку в этих отношениях поставила расстрелом Барченко в 1938 году, в период больших репрессий.

Руководивший тогда тайной работой советской разведки в Китае, Тибете и Монголии Яков Блюмкин заслуживает особого внимания, поскольку именно его деятельность во внешней разведке ГПУ 20-х годов стала наиболее показательной, как и вся судьба этого нестандартного чекиста показательна для этого первого поколения чекистов 20 – 30-х годов. Этот человек одновременно поражал окружающих своей яркой личностью и отпугивал их своим диковатым характером авантюриста. Он мог заступиться в 1920 году за Сергея Есенина, другом которого являлся, лично дав за него поручение, когда ЧК в очередной раз арестовала вольнодумного поэта за антисоветские высказывания в ресторане «Домино». И он же Есенину предлагал пойти с ним в ЧК и посмотреть, как там в подвале расстреливают контру, да и в причастности к гибели самого поэта подозревают того же Блюмкина.

Блюмкин дружил с множеством деятелей культуры, особенно с поэтами. Маяковский ласково называл его своим другом Блюмочкой, и его же подозревают в вербовках этих поэтов в стукачи ГПУ. Мандельштам через видного большевика Раскольникова жаловался даже Дзержинскому, что его подчиненный в ГПУ своими загулами и пугающими поэтов рассказами о расстрелах на Лубянке порочит звание чекиста, но и эта жалоба закончилась для Блюмкина ничем. Да и в воспоминаниях друзей Блюмкина из литературного лагеря встает образ очень нестандартного чекиста и странного человека. Так, по воспоминаниям поэта

Мариенгофа, Блюмкин все время боялся покушения преданных им когда-то эсеров, бегал по московским улицам от милицейских патрулей (имея чекистский мандат в кармане), пьяным в ресторане грозил случайным людям револьвером, а когда Есенин отобрал у него оружие, то с пьяными слезами молил поэта: «Сережа, отдай, я ж без револьвера как без сердца».

Все это совсем не совпадает с образом чекиста дзержинского поколения 20-х годов. Хотя и рассказы о Блюмкине как о явном шизофренике и трусе тоже вызывают сомнения, все же он за время работы в ЧК и ГПУ выполнял ответственные задания и только огнестрельных и ножевых ранений на теле имел семь штук. Да и покушений бывших друзей эсеров Блюмкин опасался не из-за своей мании преследования, а по причине их полной реальности, боевики из уже запрещенной партии эсеров на своего известного отступника покушались как минимум дважды. Причем второе неудачное покушение организовала бывшая жена Блюмкина эсерка Лидия Сорокина, позднее сами эсеры обвинят ее в измене партии и тоже тайно ликвидируют.

В случае же с известным скандалом в ресторане «Домино» на Тверской улице в центре Москвы, где поэт Есенин отобрал у пьяного Блюмкина пистолет, тот вроде бы поссорился с молодым театральным актером, оскорбившим Блюмкина своим вольным поведением и тем, что ресторанной шторой протер свои ботинки. Именно в него задетый за живое неудержимый чекист и собирался разрядить барабан своего револьвера. Актера этого звали Игорь Ильинский, намного позднее он станет знаменит у советского зрителя в роли милого бюрократа Огурцова из «Карнавальная ночи», а если бы Есенин не обезоружил вовремя буйного чекиста, такой актерской карьеры у Ильинского могло бы уже и не быть. В любом случае фигура Блюмкина очень ярка и выделяется в том дзержинском поколении в ГПУ 20-х годов.

Молодой боевик партии эсеров Яков Блюмкин в 1918 году по квоте левых эсеров направлен на работу в ВЧК, где оказался в отделе контрразведки и получил задание сформировать группу по работе против иностранных шпионов в Советской России, и это всего в восемнадцать лет. Затем он по заданию партии эсеров участвовал в убийстве германского посла Мирбаха, в ходе которого был ранен охраной немецкого посольства. А после подавления восстания левых эсеров скрывался в эсеровском подполье, участвовал на Украине в подготовке покушений эсеров на гетмана Скоропадского и германского фельдмаршала Эйхгорна, в 1919 году арестован ЧК и амнистирован советской властью. После чего вступил в партию большевиков и вновь принят в ВЧК, в годы Гражданской войны он был типичным представителем первого дзержинского поколения в ЧК, сочетавшего жестокость со своеобразным романтизмом и авантюризмом, еще не зажатый в жесткие рамки партийной дисциплины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.